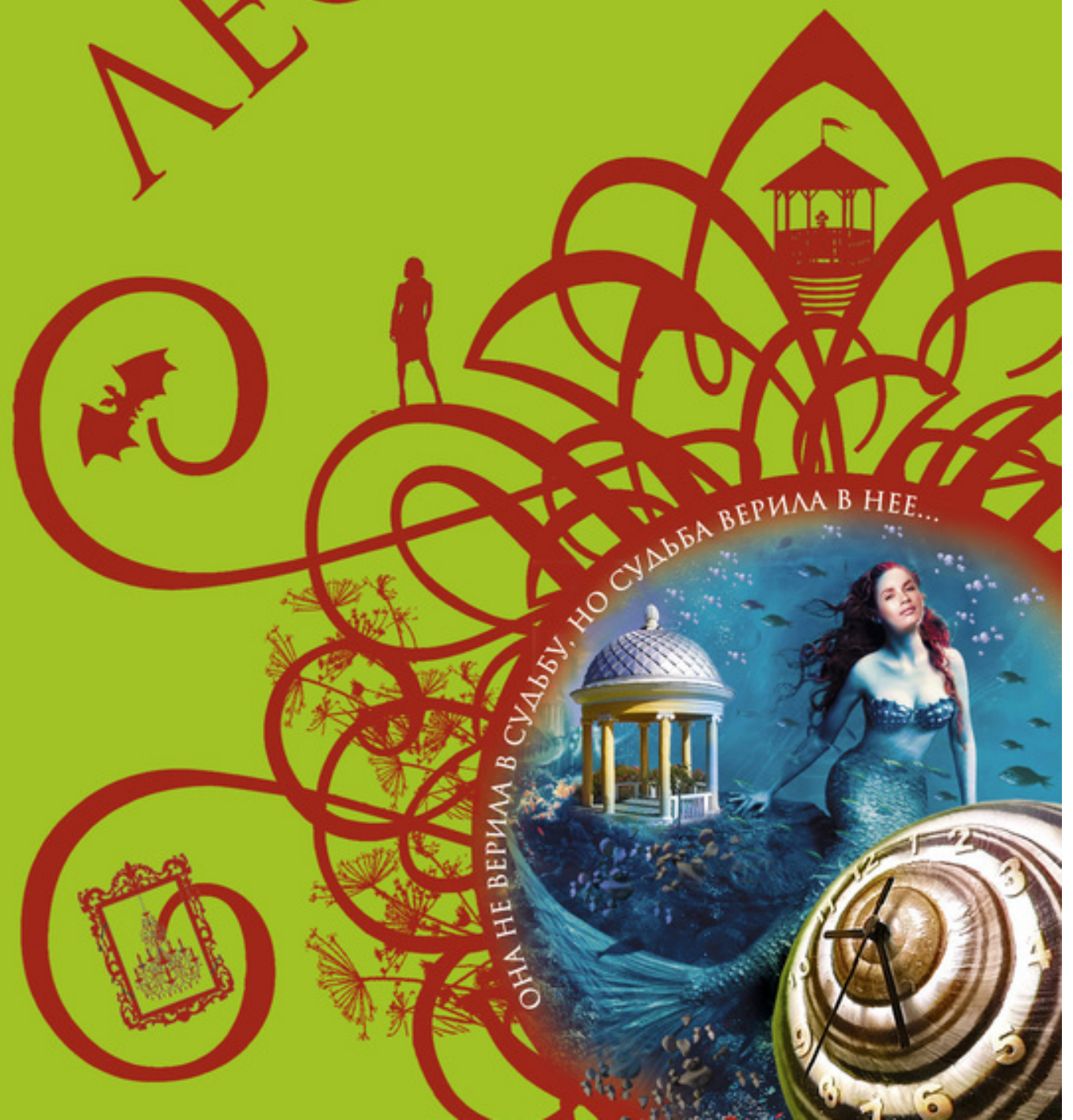

авантюжная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

РУСАЛКИ

БЕЛОГО ОЗЕРА

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Русалки белого озера

«ЭКСМО»

2013

Леонтьев А. В.

Русалки белого озера / А. В. Леонтьев — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-62635-9

Искусствовед известного аукционного дома Анна Енгальчева не представляла, зачем ее вызывает шеф. Каково же было ее удивление, когда он предложил ей отправиться в старинную усадьбу Чертяково, где якобы спрятана уникальная антикварная коллекция князей Святополк-Донских. Один из сотрудников усадьбы продал в аукционный дом старинные часы в виде слона с сидящим на нем махараджей, после чего бесследно исчез. А его коллегу обнаружили зверски растерзанным – по слухам, в окрестностях Чертякова с давних времен обитает неведомый монстр, который раз в несколько десятилетий выходит на охоту... Несмотря на все это, Анна согласилась поехать в усадьбу. Ведь неспроста именно ей удалось найти в часах со слоном тайник с зашифрованной запиской, написанной... ее собственным почерком!..

ISBN 978-5-699-62635-9

© Леонтьев А. В., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

50

Антон Леонтьев

Русалки белого озера

Дверь в другой мир открыть легко, сложно потом ее закрыть...
Акутагава Рюноске

*Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...*

А. С. Пушкин

– Доброе утро, Анна Игоревна! – произнес шеф. – Спасибо, что смогли заглянуть ко мне! Анна слабо улыбнулась, подумав про себя, что шеф, глава их аукционного дома, вызывая ее к себе, вряд ли мог представить, что она вдруг откажется или, ссылаясь на неотложные дела, попросит перенести встречу.

Шеф – высокий солидный мужчина, облаченный в дорогуший светло-серый костюм с бледно-желтым галстуком, пожал ей руку. И при этом скосил глаза на перстень, украшавший руку Анны.

– Затеяливая вещица! – произнес он, а женщина пояснила:

– Семейная реликвия, так сказать!

Перстень действительно был затейливый – он достался ей от бабушки, которая, в свою очередь, унаследовала его от своей бабки. Нет, он не был особенно дорогим – аметист, нефрит, яшма, – однако был выполнен неизвестным мастером в конце девятнадцатого века, причем мастером, явно обладавшим вкусом и фантазией. Да и первые буквы названий камней – аметист, нефрит, яшма – было своего рода кодом, шифровавшим ее имя, как, впрочем, и имя ее бабушки, и бабки ее бабушки: Аня.

– Прошу вас, садитесь! – произнес шеф и указал на кресло, стоявшее около огромного письменного стола. Анна осторожно опустилась на кожаную обшивку и задумалась о том, отчего шеф внезапно вызвал ее к себе.

Нельзя было сказать, что это происходило регулярно. Вернее, владелец их аукционного дома не так уж часто общался с рядовыми сотрудниками, а ведь она была именно такой – рядовой сотрудницей. Искусствовед, один из многих, что трудились в аукционном доме «Комильфо». Шеф, конечно, время от времени появлялся у них на планерках, однако предпочитал большую часть времени проводить в своем шикарном загородном особняке или за границей, перепоручая управление своим весьма доходным бизнесом надежным людям: в первую очередь своему кузену Михаилу Аркадьевичу.

Анна была взволнована, однако старалась не показать этого. Когда ей позвонила секретарша шефа и сказала, что тот желает видеть ее, причем немедленно, она тотчас стала припоминать все огрехи в своей работе и всерьез задумалась над тем, не вызывал ли он ее к себе, чтобы сообщить пренеприятное известие: что отныне она более не является работницей уважаемого и известного столичного аукционного дома, специализировавшегося на продаже произведений искусства и драгоценностей русских мастеров.

Поэтому, прежде чем отправиться к шефу, Анна быстро забежала в туалетную комнату, чтобы перед зеркалом поправить макияж и убедиться в том, что выглядит она достойно. Если уж терять работу, то, так сказать, во всеоружии.

Убедившись, что все в полном порядке, она приказала себе перестать волноваться и, как всегда в подобных ситуациях, стала машинально крутить фамильный перстень. Она улыбнулась своему отражению, поправила каштановую прядь волос, выбившуюся из прически, сняла

с шеи шелковый шарфик, а потом стала срочно снова повязывать его. Наконец она посмотрела на себя и подумала о том, что ей тридцать лет, что почти шесть из них она работает в аукционном доме, что она зарекомендовала себя с лучшей стороны – так отчего же кому-то в голову придет уволить ее?

Но если речь шла не об увольнении, значит, шеф хотел предложить ей повышение? Так и есть, ведь ходили невнятные слухи о том, что место главного искусствоведа вот-вот освободится. Неужели его предложат ей?

Странно, но мысль о том, что она не потеряет свое место, а получит иное, высокопоставленное и гораздо лучше оплачиваемое, окончательно выбила ее из колеи. Анна заметила, что у нее вдруг начали дрожать руки, а оттенок лица, кажется, по цвету сравнялся с шелковым шарфиком и стал нежно-зеленым. Поэтому она сорвала шарфик с шеи, запихала его в карман пиджака и решительным шагом двинулась прочь из туалетной комнаты, вдруг поняв, что провела там почти двадцать минут – и это несмотря на то, что секретарша шефа сказала, что тот ожидает ее немедленно!

И внезапно она обнаружила, что дверь не открывается. Как такое могло быть, Анна не понимала – ведь она вошла сюда, но отчего-то не могла выйти! Дверь намертво заклинило.

Чувствуя, что ее трясет, Анна вернулась к умывальнику, облокотилась на мраморную доску и велела себе собраться с силами. Она вытащила мобильный телефон, желая позвонить в свой отдел и сообщить, что она не может выйти из туалета (понимая, что это надолго станет потом темой для идиотских шуточек).

Она стала набирать номер, который знала наизусть, и вдруг обнаружила, что связи в туалетной комнате нет. Как она ни держала телефон, в какую сторону его ни крутила, как ни поднимала над головой, все было бесполезно. Сигнал отсутствовал, и позвонить коллегам Анна никак не могла.

Единственное, куда она могла позвонить, – так это в милицию и службу спасения. Но не трезвонить же туда, заявляя, что отчего-то не может выйти из туалета, и не просить вызволить ее из заточения! Еще чего – сочтут дурацким розыгрышем и не отнесутся серьезно к ее звонку!

Высоко, под самым потолком, Анна заметила крошечное вентиляционное отверстие. Недолго думая, она быстро взгромоздилась на мраморную плиту раковины, хотя сделать это в туфлях с высокими каблуками было не так-то просто. Балансируя на краю, Анна поднесла телефон к зарешеченному отверстию – и, о чудо, на экране телефона появился значок, что аппарат поймал связь.

Возликовав, Анна нажала кнопку, и отступила чуть назад, но вместо гладкой поверхности мраморной столешницы почувствовала под собой пустоту, судорожно взмахнула руками – и выпустила телефон, который тотчас полетел вниз.

Раздался противный треск, Анна увидела, что телефон лежит в мраморном раковиннике, причем, судя по тому, что от него отлетели пластмассовые части, больше он не функционировал.

И как же она выберется из своего невольного заточения? Неужели будет сидеть в туалете до вечера, пока не придет уборщица? Как будто... Как будто не суждено ей попасть на прием к шефу, который, конечно же, недоумевает по поводу того, отчего Анна Игоревна Енгальчева заставляет его ждать.

Все еще находясь на мраморной столешнице, Анна склонилась над раковинником, пытаясь выудить оттуда остатки телефона, – и в этот момент каблук под ней вдруг подвернулся, и она полетела куда-то вбок. И грохнулась бы на пол, если бы не вцепилась в последний момент в сияющий бронзовый кран. Анна осторожно выпрямила ногу, все еще опасаясь, что упадет на пол, и в этот момент дверь туалетной комнаты безо всяких проблем распахнулась, и на пороге она увидела одну из своих коллег, Татьяну.

Та во все глаза уставилась на Анну, которая в странной, неловкой позе застыла на мраморной столешнице. Анна увидела, как поползли вверх выщипанные бровки Татьяны (она не то чтобы конфликтовала с вошедшей, однако ей пришлось пару раз поправить огрехи в искусствоведческой экспертизе коллеги. Чего Татьяна ей, конечно же, прощать не намеревалась!)

– Аня, ты чего? – спросила Татьяна странным тоном, и Анна поняла – так и есть, самое позднее через четверть часа сплетня о том, что «эта зазнайка Енгальчева занималась художественной гимнастикой с уклоном в Камасутру прямо на умывальнике в дамской комнате», разнесется по всему аукционному дому: сплетницей Татьяна была первостатейной.

Внимание же Анны было сосредоточено на двери, ручку которой Татьяна выпустила из рук. Неужели сейчас дверь снова захлопнется и они окажутся в заточении, на этот раз только уже вдвоем? Худшей напарницы по несчастью, чем Татьяна, Аня вообразить себе не могла.

– Дверь! – крикнула Анна, но было поздно. Дверь, мягко хлопнув, щелкнула замком и встала на свое место. Анна сползла с мраморной доски и бросилась к двери.

– Господи, мы же отсюда не выйдем! – закричала она, а Татьяна, все еще ничего не понимая, но, уже чуя материал для очередной сплетни, заявила:

– Анечка, о чем это ты? Откуда мы не выйдем?

– Дверь заклинило, и я не могла... – начала Аня, но Татьяна уже опередила ее, взялась за ручку, потянула на себя дверь – и та безо всяких проблем распахнулась.

Словно замороженная, Анна уставилась на это. Но как такое может быть? Ведь как она сама ни пыталась открыть дверь, та просто не поддавалась!

Дверь снова захлопнулась, и на этот раз Анна взялась за ручку. На мгновение ей представилось, что у нее опять ничего не выйдет, что дверь снова превратится в каменную стену. Но ничего подобного – дверь, конечно же, поддалась.

– Так что случилось? – спросила сладким тоном Татьяна, осматривая разбитый мобильный в умывальнике. – Это твой?

– Выскользнул у меня совершенно случайно! – сухо ответила Анна, Татьяна же пожала плечами, но по выражению ее лица Аня поняла: конечно же, та тотчас начнет звонить своим подружкам, дабы доложить о «невероятном событии», коему стала нечаянной свидетельницей, не забыв при этом сдобрить правду рядом выдуманных подробностей.

– Анечка, с тобой все в порядке? – спросила ее Татьяна с наигранной заботливостью, от которой Ане вдруг стало тошно. – На тебе лица нет! Может, врача вызвать?

Она была права – выглядела Анна далеко не самым лучшим образом. Однако ее ждал шеф! Поэтому, отделавшись парой ничего не значащих фраз, Анна вышла из туалетной комнаты.

И все же на мгновение она задержалась, желая осмотреть замок двери. Все было в идеальном порядке, ничто не заедало, ничего просто физически не могло вдруг заклинить. Так отчего же дверь не открывалась?

– Анечка, не забывай: любую дверь можно открыть, если сильно захотеть. И толкать в правильную сторону! Хотя случайностей не бывает... – просюсюкала Татьяна, внимательно наблюдая за манипуляциями Ани с дверью, что со стороны наверняка выглядело странно. – А то у меня имеется старый знакомый, специализирующийся на психиатрии...

Она гаденько усмехнулась, но Анна ничего не ответила. Не пытаться же убедить эту несносную особу в том, что дверь по неведомой причине вдруг не поддавалась! Раньше она бы не спустила реплику о психиатре, но сейчас не было времени. Поэтому, оставив лежать остатки телефона в дамской комнате (все равно придется покупать новый), женщина вдруг вспомнила: начальство все еще ожидает ее визита!

Случайностей не бывает...

Поэтому она быстро зашагала по коридору и подошла к лифту. Обнаружив, что тот находится на другом этаже, она нажала кнопку, вызывая кабину на свой и прислушиваясь, не

слышно ли знакомого скрежетания. Но кто-то заблокировал кабину, наверняка коллеги, которые болтали то ли внизу, то ли вверху, не позволяя дверям лифта закрыться.

Анна отправилась к лестнице: начальство находилось на последнем этаже, она же сама – на втором. Она зашпешила вверх, но едва миновала два пролета, как почувствовала, что нога у нее подворачивается. Анна едва успела схватиться за перила, иначе бы наверняка полетела на ступеньки и тогда бы точно попала не на прием к шефу, а в больницу с переломами!

И почему такое происходит с ней, причем снова и снова? Анна убедилась в том, что каблук сломался. И как ей в таком случае идти к шефу? Не оставалось ничего иного, как отодрать каблук и на другой туфле.

Анна побежала вверх, думая о том, что с ней едва не произошел второй несчастный случай. Как будто... Как будто судьба не хотела, чтобы она попала на разговор к шефу! Но это, конечно же, было полной ерундой. В судьбу Анна не верила.

Она перевела дух, заметив, что оказалась на последнем этаже, и замерла перед массивной дверью, которая вела с лестничной клетки в крыло, где располагались кабинеты. Анна дотронулась до ручки, потянула ее на себя – и, как только что в дамской комнате, дверь не поддавалась. Аня нервно рассмеялась: то, что показалось ей случайностью, являлось, похоже, закономерностью. Двери просто не хотели пускать ее и подчиняться ее приказаниям, как глупо это ни звучало!

Случайностей не бывает...

Она снова потянула на себя дверь, но та не сдвинулась ни на миллиметр. И только потом Аня поняла, что здесь была другая конструкция – дверь надо было не тянуть на себя, а толкать. Она сделала это, и дверь, еле слышно скрипнув, открылась.

В глаза ударил луч света, на мгновение ослепивший Анну. В первую секунду, когда она вновь обрела возможность видеть, ей вдруг показалось, что находится она не в предбаннике около лифта, а в небольшой, по-старинному обставленной комнате. И первое, что бросилось ей в глаза, – была приспущенная пурпурная штора с золотыми кистями, которая прикрывала окно. А над ней, на потолке – изображение весьма упитанного купидона, сидевшего на дельфине, державшем в руках большую морскую раковину и усиленно в нее дувшего.

Да нет же, все это ерунда! Однако видение чрезвычайно перепугало Аню. А что, если... Если совет Татьяны, этой мерзкой сплетницы, которая вообще-то только хотела посильнее ужалить ее своим замечанием, не такой уж и праздный? С чего это ей вдруг привиделась непонятная старинная комната? Может, ей надо обратиться к психиатру...

Однако она тотчас нашла для себя рациональное объяснение мимолетному видению: просто она слишком взволнована, вот ей и почудилась комната, которую она видела на старинной фотографии в каталоге, журнале или просто в Интернете, ведь по роду работы ей приходилось просматривать подобные изображения сотнями, если не тысячами.

Только вот не помнила она, чтобы ей приходилось видеть подобное изображение: пурпурная штора с золотыми кистями, прикрывавшая окно, а на потолке – изображение купидона, который, сидя на дельфине, дудел в морскую раковину. Хотя оно и понятно – мотив весьма распространенный, стандартный для галантного восемнадцатого столетия. Наверняка это одна из выходов подсознания – ослепленная светом, она вдруг вообразила, что находится в одной из комнат, изображение которой когда-то видела.

Странно только, что в предбаннике с лифтом, куда она попала, никакого такого источника яркого света не было. Разве что неоновые лампы, мерцавшие под потолком, да неяркий летний свет, лившийся в окна. Но ни лампы, ни свет из окон точно не могли бы ослепить ее до такой степени, что она потеряла бы зрение на несколько секунд. У нее ведь было ощущение, что она из абсолютной тьмы вдруг шагнула на яркое солнце. Но ведь на лестничной клетке не было тьмы, а здесь, в предбаннике с лифтом, яркого света. Так отчего же...

Но времени на размышления не было, с того момента, как ей позвонила секретарша шефа, прошло уже больше получаса. А ведь она пообещала, что будет через десять минут! Поэтому Анна устремилась по коридору и вскоре оказалась в обширной комнате, где предстала перед секретаршей шефа.

– Прошу прощения, что опоздала... – начала Аня, но секретарша, не отличавшаяся вообще-то приятными манерами, произнесла:

– Нет, отчего же, Анна Игоревна, вы крайне пунктуальны! Однако я сожалею, но вам все равно придется подождать. Всеволод Романович сейчас ведет крайне важный телефонный разговор!

Анна опустила на краешек дивана и уставилась на свои туфли. Лишь бы никто не заметил, что у одной отломился каблук, а у другой она его сама оторвала. Выходило весьма забавно – она боялась опоздать, а пришла слишком рано.

Случайностей не бывает...

Женщина прокрутила в голове события последних тридцати минут. При этом ее глаза скользнули по замысловатому циферблату часов, которые украшали противоположную стену.

Аня уставилась на него, ничего не понимая. Она прекрасно помнила, что, когда положила трубку, получив звонок от секретарши шефа, ее собственные часы показывали ровно четверть двенадцатого.

А стрелки часов на стене в приемной Всеволода Романовича замерли на одиннадцати двадцати трех! Она пообещала быть у шефа через десять минут, а оказалась даже раньше, через восемь!

Но как такое могло быть? Ведь она сидела в закрытой туалетной комнате, причем никак не меньше двадцати минут! А потом еще приключения на лестнице... Все это заняло минут тридцать, если не сорок! Но, судя по часам, прошло всего восемь минут? Или часы стояли?

Словно желая опровергнуть подобное нелепое предположение, изогнутая минутная стрелка часов дернулась и шагнула вперед. Нет, часы работали, и с того момента, как она завершила разговор с секретаршей и оказалась здесь, миновало всего восемь... Теперь уже девять минут! Девять минут!

Анна не верила тому, что видела собственными глазами. Даже испугалась. А потом вдруг поняла – для всего имеется логическое объяснение. Если часы в приемной шефа идут, значит, ее собственные часы спешили. Хотя она была уверена, что это не так. Но ведь иного объяснения не было...

И тут она вспомнила, что именно сказала, обращаясь к ней, секретарша шефа, когда она, запыхавшаяся и взмыленная, возникла на пороге «святая святых».

Вы крайне пунктуальны!

Обратилась бы эта особа с подобными словами к ней, если бы она в действительности опоздала примерно на полчаса? Да ни за что! Она бы точно сделала ей замечание! Но вместо этого секретарша только заметила, что Анна была крайне пунктуальной. И это не было саркастическое замечание, это была вполне стандартная фраза.

Аня не знала, что и думать. Тут в голову снова пришло воспоминание со старинной комнатой со шторой и купидоном на потолке. Чудеса в решете, да и только! Нет, психиатр ей точно не требуется, вероятнее всего – отпуск...

Тут секретарша шефа милостиво произнесла:

– Прошу вас, Анна Игоревна, Всеволод Романович ждет вас!

Оказавшись около стола секретарши, Анна все же не смогла не спросить:

– Я ведь точно не опоздала?

Секретарша изумленно посмотрела на нее и заметила:

– Об этом вам точно не стоит беспокоиться! Вы сказали, что придете через десять минут, а пришли через восемь. Люблю таких сотрудников! А то некоторые заставляют себя ждать и

крадут тем самым драгоценное время Всеволода Романовича! Так давайте же этим не заниматься!

Она указала на стеклянную дверь, и Анна, поняв намек более не задавать ненужных вопросов, двинулась вперед. Когда она дотронулась до ручки, на мгновение ей показалось, что свет за стеклянной дверью в кабинете шефа померк. Господи, и что это с ней такое сегодня творится?

Более всего она боялась, что дверь вдруг не откроется и она, как последняя идиотка, будет дергать ее то в одну сторону, то в другую, а подоспевшая на помощь секретарша откроет ее безо всяких проблем.

Но дверь распахнулась еще до того, как Анна нажала на ручку, – открыл ее изнутри сам шеф, владелец аукционного дома «Комильфо» Всеволод Романович Дудин.

– Доброе утро, Анна Игоревна! Спасибо, что смогли заглянуть ко мне!

Оказавшись в кресле, Анна осторожно осмотрела кабинет шефа. Все было выдержано в стильных серых, жемчужных и бирюзовых тонах. Прямо за спиной шефа пламенела диковинная картина – шедевр одного из ранних советских кубистов. На противоположной стене – несколько редких и чрезвычайно ценных икон.

– Что будете пить? – произнес шеф, и Аня промямлила, что неплохо бы кофе с молоком.

Ее заказ появился меньше чем через пару минут – Анна не знала, как секретарша за столь короткий промежуток времени могла приготовить и сервировать дымящийся напиток. Всеволод Романович ограничился бокалом сока.

– Наверняка вы задаетесь вопросом, почему я вызвал вас к себе! – заметил Дудин с мягкой усмешкой. – Вы требуетесь мне в качестве эксперта. А также в качестве детектива. Ведь то, что вы сотворили в деле Матильды Вербицкой, было просто сверхъестественно...

Анна и думать забыла об этом деле. Впрочем, ничего особенного тогда не произошло – дряхлая супруга известного питерского коллекционера скончалась, что было неудивительно: ведь даме было уже за девяносто. А вся ее огромная квартира на Невском проспекте была забита шедеврами живописи западного искусства, были там и Тициан, и Боттичелли, и даже Леонардо да Винчи. Только, как были уверены многие эксперты, это были работы не самих мэтров, а их учеников. Но даже в этом случае коллекция, которую начал собирать еще дед мужа покойной хозяйки, стоила многие миллионы.

Анна входила тогда в команду экспертов, проводивших первую экспертизу коллекции. И именно ей бросилось в глаза странное поведение наследника, внучатого племянника старушки, и его деловитой жены. А также исчезновение трех наиболее ценных полотен.

Она провела небольшое расследование – и, надо же, обнаружилось, что полотна были готовы к отправке за рубеж, причем контрабандным способом. А затем выяснилось, что Матильда умерла не своей смертью: хоть ей и было за девяносто, кто-то удушил несчастную вдову коллекционера. Видимо, надоело ждать.

Но дело было не в этом – внучатый племянник был в долгах как в шелках, и ему грозили очень солидные неприятности со стороны представителей криминального мира, если бы он в течение пары недель не отдал огромный долг. Поэтому он и разработал нехитрую комбинацию – отправил на тот свет Матильду, представив это как естественную кончину, забрал три полотна и готовился вступить в права наследства.

Никто, и даже врачи не сомневались в том, что старушка умерла от естественных причин, и если бы не Анна, то внучатому племяннику и его жадной женошке все бы сошло с рук. А вместо этого они не только не получили наследства, но еще и оказались под следствием, а в итоге – на долгие годы в местах не столь отдаленных.

Сама же Анна не считала, что проявила чудеса дедукции – просто сопоставила одно с другим, сделала соответствующие выводы и пришла к неутешительному результату.

– Именно благодаря вам наш аукционный дом получил эксклюзивное право на реализацию коллекции, – заметил Всеволод Романович. – Что, конечно же, позитивно отразилось в нашем финансовом балансе. Именно поэтому мне требуется ваша помощь...

Что ж, об увольнении речь не шла, как, впрочем, и о повышении тоже.

– Вот, взгляните! – произнес шеф и протянул Анне большую цветную фотографию. – Что скажете об этом?

Аня взглянула на изображение: это были большие часы, выполненные в стиле рококо, представлявшие собой композицию – сам часовой механизм находился в брюхе большого слона, около которого замерли фигурки арапчат. Венцом всего было изображение индийского раджи под балдахинном, восседавшего на гигантском животном.

– Вы же знаете, Всеволод Романович, что это не моя эпоха, у нас имеются специалисты именно по ней... – заметила Аня, но шеф нетерпеливо кивнул. Мол, продолжайте.

– Конец восемнадцатого века, вероятнее всего – последняя его четверть. Похоже на старательную копию французских образчиков, но мне кажется, что выполнено не во Франции. Не исключено, что в России.

Шеф удовлетворенно кивал, давая понять, что согласен с ее выводами.

– Конечно, лучше всего исследовать оригинал, а не фотографию... Однако я должна отметить, что часы находятся в отличном состоянии. Они подвергались реставрации?

Шеф пожал плечами и заметил:

– Насколько мы в курсе, нет. Причем вы правы, Анна Игоревна, не только снаружи все в отличном состоянии, но и внутри. Часовой механизм работает безукоризненно.

– Удивительно! – пробормотала Анна. – С таким мне еще сталкиваться не приходилось. Да, небольшой изъян внизу, кажется, сколота эмаль на стопе слона. Однако это не так уж страшно. Использованы полудрагоценные камни, также, насколько я могу судить, рубины или розовые сапфиры... Мелкие бриллианты, лазурит, жемчуг... В тюрбан магараджи вмонтирован весьма крупный квадратный изумруд...

Оторвавшись от созерцания снимка, Анна подвела итог:

– В общем и целом это, конечно, далеко не самое выдающееся произведение ювелирного искусства, однако меня поражает великолепное состояние часов. Они находились в частной коллекции или в музее?

Шеф снова пожал плечами, и Анна сказала:

– Думаю, после выяснения истории этого артефакта его надо непременно выставлять на продажу. Начальная цена – не меньше ста пятидесяти или даже двухсот тысяч в долларовом эквиваленте. И наши постоянные клиенты с руками и ногами оторвут... Причем я уверена, что конечная сумма, которую выложат за этот редкостный образчик, может перевалить и за миллион.

– Я просто поражен! – заметил Всеволод Романович. – Вы почти слово в слово повторили то, что я слышал от наших экспертов по восемнадцатому веку.

Часы уже прошли экспертизу? Но зачем шеф тогда пожелал услышать и ее мнение, ведь она, что касается эпохи рококо, – сущий дилетант.

– Только вот с ценой несколько ошиблись, с учетом бума на рынке антиквариата и особого интереса к Екатерининской эпохе начальную цену лота можно без боязни повесить на двадцать, а то и на тридцать процентов. Но это все мелочи. Так что прошу запомнить: эти часы выкуплены нами и являются собственностью нашего аукционного дома. А теперь прошу взглянуть на это!

Он протянул ей еще одну фотографию. Анна бросила на нее взгляд, потом посмотрела на шефа и сказала:

– Всеволод Романович, вы, наверное, дали мне не тот снимок. Потому что это снова изображение часов со слоном и магараджей.

Шеф усмехнулся и заметил:

– Да нет же, все верно! Это те же часы, вы правы. Те же – или все же не те?

Анна стала внимательно изучать снимок, боясь сделать ошибку. Неужели эта беседа – своего рода тест на пригодность для работы в качестве главного искусствоведа их аукционного дома? Только ей об этом ничего не сказали?

– Часы-близнецы, не такое уж редкое явление, особенно в эпоху позднего рококо, – подытожила Анна. – Выполнены, вне всяких сомнений, тем же мастером, что и предыдущие. Причем этому мастеру удалось добиться поразительной симметрии, что встречается крайне редко. Вы позволите...

Анна разложила на столике, который возвышался подле кресла, оба снимка и стала сравнивать.

– Невероятно, просто невероятно! – сказала она через несколько минут, в течение которых к кабинету царила абсолютная тишина. – И не только то, что и те, и другие часы в великолепном, я бы даже сказала, сказочном состоянии. Они, если позволите сказать, как новенькие! Но вот что меня смущает...

Она подняла глаза на шефа и заметила:

– Сколотая эмаль на стопе слона. Этот изъян присутствует и в одних, и в других часах. Причем это не была задумка мастера, такое можно полностью исключить. Но оба скола, насколько я могу судить после столь поверхностной экспертизы, идентичны! Из чего я могу сделать вывод, что это – фотографии одного и того же объекта!

Если это был тест на ее профпригодность, то отчего такой странный и такой легкий? Неужели шеф думал, что она не сумеет понять, что это – снимки одних и тех же часов? Вероятно, к подобному выводу пришел бы даже и дилетант!

– Тогда прошу вас взглянуть на это, Анна Игоревна! – произнес шеф снова и протянул ей третий снимок. И снова это было изображение часов со слонем и магараджей. Только на этот раз часы были в ужасном состоянии – кто-то выковырял все драгоценные камни, выдрал с мясом вставки из полудрагоценных камней, лишил слона глаз, а восседавшего на нем магараджу – тюрбана, увенчанного некогда квадратным изумрудом. В общем, варвары постарались изувечить шедевр эпохи рококо. Они даже отломали у слона бивни, сделанные из позолоченного серебра.

Но внимание Анны привлекла опять же стопа слона. И вовсе не то, что из нее удалили все жемчужины и мелкие бриллианты. Она видела все тот же скол эмали, причем он как две капли воды был похож на скол эмали на стопах предыдущих слонов.

– Гм, видимо, мы имеем дело с тремя одинаковыми копиями! – сказала несколько озадаченно Анна. – Вельможе, первому владельцу часов, хотелось иметь эту забавную игрушку в каждом из своих дворцов, вот он и отдал приказание сделать три подобных экземпляра. Но меня смущает этот скол эмали...

Она замолчала, взглянула на шефа и продолжила:

– Предположим, скол появился на одной копии, но я не могу представить себе, что хозяин отдал эксцентричное распоряжение нанести два идентичных скола на двух других! Это лишено всяческого смысла! Да и сколы, насколько я могу судить, не просто похожи, а идентичны! А достичь этого тоже крайне сложно!

Она замолчала, а потом добавила:

– Но вынести окончательный вердикт можно, только подвергнув все три экземпляра тщательной экспертизе. И это, насколько я поняла, уже произошло...

Всеволод Романович откинулся в кресле, отпил из бокала сок и заметил:

– Отлично, Анна Игоревна, просто отлично! Вы подтвердили все то, что сообщили эксперты. И от вашего внимания не ускользнула важная деталь – скол на стопе слона. Что ж, вы хотите увидеть все три экземпляра? Прошу вас следовать за мной!

Он вышел из кабинета, сопровождаемый Анной, и они направились к лифту – но не к обычному, а к специальному, пользоваться которым имел право только сам Дудин. На лифте они спустились на подземный этаж, в хранилище, рядом с которым располагались и помещения реставраторов. Даже сотрудник аукционного дома не мог попасть туда просто без предварительного разрешения, ведь в хранилище находились экспонаты, стоившие очень и очень много.

Они прошли через помещения, где трудились люди, облаченные в серые халаты, подошли к массивной металлической двери, которую шеф открыл при помощи особой электронной карточки.

Анне приходилось бывать на подземном уровне, хотя и не часто. Но вот в секретный, защищенный блок она еще не заглядывала. Они миновали еще одну дверь, представлявшую собой металлическую решетку, а потом еще одну – стальную, открывавшуюся, как и первая, при помощи особого электронного ключа. Анна заметила видеокamеры, вмонтированные в стены, и ей стало не по себе.

Помещения, в которых они оказались, мало чем отличались от предшествовавших им. Те же столы, те же люди в серых халатах, те же экспонаты, только намного более дорогие и раритетные.

Завидев шефа, к нему подошел невысокий мужчина с черной бородой с проседью и выпуклыми темными глазами. Это был главный реставратор аукционного дома, Михаил Аркадьевич. А по совместительству – кузен Дудина и, по слухам, фактический владелец аукционного дома.

– Мы хотим взглянуть на наших трех слонов! – произнес Всеволод Романович, и главный реставратор усмехнулся. Они миновали помещение и оказались в небольшой комнатке опять же с металлической дверью. На этот раз пришлось ввести восьмизначный цифровой код, который, похоже, не был известен даже шефу.

Дверь отомкнулась, и они прошли в голый бетонный блок, посреди которого на продолговатом длинном столе возвышались часы со слонem и магараджей в количестве трех штук.

Когда они прошли в помещение, то Анне на мгновение показалось, что стена задрапирована кровавой портьерой, над которой виднеется оседлавший дельфина купидон, который дует в морскую раковину.

Ничего подобного, конечно же, на стене не было – ни портьеры, ни странной фрески. Анна заставила себя забыть о подобной ерунде и сосредоточилась на трех часах, стоящих на столе.

Михаил Аркадьевич подошел к столу и, когда закрылась дверь, произнес:

– Ну что же, вот мы и в нашей сокровищнице!

На устах у него играла странная улыбка. Всеволод Романович же кашлянул и произнес:

– Ну да, Миша, ты прав, а вот и наши сокровища. Удалось разузнать что-нибудь новое?

Главный реставратор наклонил голову и ответил:

– Смотря что подразумевать под этим... Однако, как я понимаю, вы еще не в курсе того, что произошло?

Он посмотрел на Анну, и та перевела взгляд на шефа. Дудин нетерпеливо заметил:

– Анна Игоревна – тот самый человек, о котором я говорил. Так что расскажите ей то, что вы поведали и мне.

Главный реставратор кашлянул и произнес:

– Ну что же... насколько я знаю, вы ведь искусствовед?! Так что можете сказать по поводу этих часиков?

Он указал на стол, на котором покоились эти предметы. Анна медленно подошла к нему и стала внимательно рассматривать часы со слонem и магараджей. Да, никакого сомнения быть

не могло – все экземпляры были похожи как две капли воды. В данном случае, конечно же, – три.

– А у кого именно наш аукционный дом приобрел их? – спросила Анна, и Всеволод Романович ответил:

– Зрите в корень! Все три экземпляра были приобретены у различных людей, никак, насколько удалось службе безопасности установить, между собой не связанных. Все бы ничего, если бы этот экземпляр не был продан на одном из наших аукционов в конце прошлого года...

Он указал на часы, стоявшие слева.

– Причем приобрел их один весьма и весьма уважаемый состоятельный господин, являющийся нашим постоянным клиентом. А потом, надо же такому случиться, ему по другим каналам предложили приобрести еще одни часы – точно такие же!

Шеф сделал паузу, а потом добавил:

– Естественно, у нашего клиента возникли подозрения, не обманули ли мы его. Ведь он был уверен в том, что приобрел уникальный экземпляр, а тут – точная копия. Да и, может, это вообще не оригинал конца восемнадцатого века, а ловкая подделка? Если вдруг станет известно, что мы продаем подделки...

Главный реставратор, внимавший словам Дудина, горестно качнул головой. Аня и сама прекрасно понимала, что это означает. Репутация в мире искусства была важнее всего.

– Богатый клиент был сильно не в духе, поэтому пришлось вернуть ему деньги и принести самые искренние извинения. А к тому времени у одного из скупщиков краденого всплыли и третьи часики, вот эти самые...

Он указал на искореженный экземпляр.

– Можно предположить, что наш торговый дом стал жертвой обмана. Это было бы еще ничего... Но ведь если конкуренты узнают об этом проколе, то попытаются представить все так, как будто мы сами пытались надуть клиентов...

Все было, конечно же, так, но Анна все еще не понимала, каким образом она могла оказаться полезной в сложившейся ситуации.

Главный реставратор, дождавшись, когда шеф завершит тираду, произнес:

– Ну что же ты, Сева, задал вопрос о последних новостях... Не буду врать, нам удалось установить кое-что прелюбопытное, однако в то же время и более чем непонятное. Если бы я самолично не перепроверил результаты трижды, ни за что бы не поверил...

Он указал на часы и сказал:

– Над последним экземпляром, как вы видите, потрудились будь здоров. Кто-то выковырял все драгоценные камни и продал их. Двум другим экземплярам повезло – вандалы до них не добрались. И это только облегчило задачу. Да, эти часы очень похожи друг на друга, но я не мог предположить, что до такой степени...

Он осторожно дотронулся до фигурки магараджи, венчавшей стоявшие в середине часы. И только тогда Анна поняла, что там не хватает изумруда, вправленного в чалму.

– Эта схожесть не давала мне покоя. Поэтому я решил произвести эксперимент. Для этого сгодились часы, которые не попали в руки к вандалам. Для экспертизы были изъяты десять камней, вправленных в артефакт. В том числе и два изумруда, украшающих обе фигурки магараджи...

Он сделал паузу, вздохнул, а шеф нетерпеливо заметил:

– Ну что же ты, продолжай! Что в итоге удалось установить?

Михаил Аркадьевич усмехнулся:

– Но при помощи своих людей мне удалось-таки разыскать и третий изумруд, тот самый, что украшал вот эти самые часики...

Он указал на искореженный экземпляр.

– Собственно, было не так и сложно. Потому что во всей стране не больше полдюжины людей, через руки которых проходят действительно ценные камни. А этот изумруд, естественно, из числа подобных. Три и две восьмых карата, редкая огранка, старинная, давно вышедшая из моды, сейчас не употребляемая. Индийский камень... С такими характеристиками изумруд я разыскал меньше чем за неделю!

Всеволод Романович поморщился и сказал:

– Это мне известно!

– Но ведь наша гостья этого не знает! – парировал главный реставратор и, подойдя к столу, вынул из-за часов небольшой сафьяновый футляр. Он раскрыл его, и Анна увидела три квадратных зеленых камня – это были изумруды. Они были похожи друг на друга до невозможности.

– С изумрудами гораздо сложнее, чем с другими камнями, – продолжил Михаил Аркадьевич. – Практически в любом камне наличествуют трещины и включения. Такова уж кристаллическая структура изумруда... Поэтому вероятность того, что вы являетесь обладателем трех совершенно одинаковых камней, не только одинаковых по весу, расцветке и огранке, но и по своей структуре, исключена полностью. – Он усмехнулся и добавил: – Впрочем, это касается не только изумрудов, но и других камней, которые мы подвергли экспертизе. Однако в случае с изумрудами это прослеживается наиболее отчетливо.

Главный реставратор смолк, а Анна спросила:

– Что вы имели в виду, говоря об идентичности структуры? Что эти камни были найдены на одном и том же руднике?

Михаил Аркадьевич вынул из кармана халата особую лупу и протянул ее Всеволоду Романовичу.

– О, если бы только это! Прошу взглянуть на камни и сравнить их...

Шеф нацепил лупу на правый глаз и принялся изучать камни. Михаил Аркадьевич при этом заметил:

– Видишь этот изъясн в нижней грани? И легкое затемнение сбоку? И зигзагообразную трещину справа?

– Да! – буркнул Дудин. – Однако ювелир постарался скрыть эти изъяны...

– Ты прав, работа отличная! Сразу видно – человек трудился на совесть! – заметил Михаил Аркадьевич. – Причем, конечно же, ручная работа, безо всяких новомодных лазеров и компьютеров. А теперь изучите второй камень!

Шеф, сопя, последовал его совету. Он рассматривал камень уж очень долго, потом сорвал лупу с глаза и заявил:

– Миша, этого просто не может быть!

– Я сначала так тоже подумал! – ответил, кивая головой, Михаил Аркадьевич. – Однако пришлось согласиться с фактами. А теперь переходи к третьему камню!

Вставив в глаз лупу, Дудин стал изучать третий изумруд. Длилось это недолго, он вынул лупу и заявил каким-то благоговейным, сдавленным голосом:

– Ничего не понимаю! Мне кажется, что я схожу с ума!

Михаил Аркадьевич взял у него футляр и протянул Анне. Она ответила:

– Драгоценные камни – не моя специализация, так что...

– От вас ничего не требуется, только смотрите и сравнивайте! – заявил главный реставратор, и Анна послушалась. Он помог ей вставить лупу в глаз, и женщина стала рассматривать камни.

Сначала один. Затем второй. Наконец, третий.

Двое мужчин, стоявших около нее, ничего не говорили, словно ожидая ее вердикта. Анна все еще боялась, что это тест на профпригодность. И хуже всего было попасть впросак, причем сразу в присутствии шефа и главного реставратора.

– Так что скажете? – заметил Михаил Аркадьевич, и Анна оторвалась от созерцания камней.

– Повторюсь, я не специалист по драгоценностям, однако...

Она замерла, не зная, как высказать вслух мысль, которая казалась ей такой нелепой. Такой глупой. И единственно верной.

Но ее опередил Дудин, заявивший:

– Эти камни не просто очень похожи друг на друга. *Они абсолютно идентичны!*

Анна тоже пришла к этому же выводу. Потому что три изумруда были не только одинаковой формы, одинаковой огранки и одинаковой расцветки – у них имелись абсолютно идентичные изъяны. У всех трех.

– Черт знает что такое! – заявил Всеволод Романович. – Как это можно объяснить?

Усмехнувшись, Михаил Аркадьевич ответил:

– Ну, это в мои обязанности не входит. Мое дело – проводить экспертизу. Но ты прав, я пришел к точно такому же выводу. Камни идентичны. А что считаете по этому поводу вы?

Оба мужчины взглянули на Анну, и той не оставалось ничего иного, как подтвердить их выводы.

– Однако такое просто невозможно... – добавила она, и главный реставратор подхватил ее мысль:

– Вот именно – невозможно! Однако представим себе, что кому-то захотелось стать владельцем трех абсолютно одинаковых камней. Но в этом-то и проблема – абсолютно одинаковых камней просто не существует. Так же, как не существует трех одинаковых листьев. Трех одинаковых отпечатков пальцев. Трех одинаковых ракушек!

При последнем слове Анне снова привиделся купидон, сидевший на дельфине и дувший в морскую раковину.

– Да, камни могут быть очень похожи. Они могут быть одинаковы по весу. По огранке. Даже по цвету. Но их изъяны точно не могут быть одинаковыми! Трещины, потемнения, вкрапления. Все они сугубо индивидуальны. Во всяком случае, так я считал до тех пор, пока не подверг экспертизе эти часы!

Он положил футляр с изумрудами на стол и сказал:

– Причем идентичны не только три этих изумруда, но и все остальные камни. Во всяком случае, украшавшие экземпляр один и два. Потому что все мелкие камни с третьего экземпляра разошлись в неизвестном направлении. И собрать их пока что не удалось.

Он замолчал, и Анне показалось, что тишина длилась уж слишком долго. Потом раздался голос Дудина – взволнованный, глуховатый:

– Но как такое может быть? Объясните мне!

И Михаил Аркадьевич просто ответил:

– Не знаю!

Анне стало не по себе. Она взглянула на раскрытый, стоявший на столе футляр, в котором, мерцая, лежали три квадратных изумруда.

– И это касается не только камней. Но и самих часов. Я с моей командой внимательнейшим образом изучил все три экземпляра... Они не только одинаковы, они не только идентичны... – Он кашлянул и продолжил: – Правильно было бы в данном случае сказать, что это и есть один и тот же экземпляр.

Анна усмехнулась, и главный реставратор с пониманием взглянул на нее:

– Именно так я сам отреагировал, когда пришел к этому выводу. Или у вас имеется идея получше?

Идеи получше у Анны не было, и она подошла к столу. Часы так и манили. Она сама не могла сказать, отчего эти предметы влекли ее. Словно... Словно она их уже когда-то видела!

На мгновение ей привиделось то, что уже приходило несколько раз в голову: красная штора, а над ней – купидон. Однако теперь она видела уже и комнату, в которой висела эта штора. И камин, на котором стояли часы – те же самые, что сейчас находились на столе.

– И все же, если предположить, что речь идет о гениальном мастере-одиночке? – заявил шеф. – Мог бы он создать подобное?

– Нет, никакой человек, никакая команда специалистов и даже гениев не в состоянии сделать такое! – ответил категорично Михаил Аркадьевич. – Да, они бы могли сотворить три копии одних и тех же часов, но никто не в состоянии создать копии драгоценных камней, в которых все одинаково, вплоть до изъянов!

– И все же должно существовать какое-то простое и логическое объяснение всему этому! – заявил Дудин.

– Боюсь, что ни простого, ни логического объяснения просто нет! – ответил главный реставратор.

Они углубились в беседу, а Анна склонилась над часами, которые стояли посередине. Нет, она вплоть до сегодняшнего дня не видела их. И это видение, эта комната... Ее она тоже не видела!

Или нет? Не исключено, что в одном из каталогов, старых журналов или на поблекшей фотографии. Видела всего какую-то часть секунды, а потом забыла подчистую. А образ отложился в памяти и...

И что? Даже если это было так, то это никаким образом не объясняло феномена трех идентичных часов, украшенных идентичными камнями.

Или объясняло? Отчего-то Анна не сомневалась в том, что это странное видение и история с часами непостижимым образом связаны друг с другом. Только вот каким именно?

Она украдкой взглянула на шефа и главного реставратора. Им о ее видениях лучше ничего не знать. Хотя сама она не знала, что и думать. Ведь Дудин был прав – для всего этого должно было иметься простое и логическое объяснение.

– В случае проведения экспертизы надо просто-напросто перебрать все варианты и отбросить те, которые не подходят. То, что останется, и есть истинное объяснение, – заметил главный реставратор.

– И к какому это, позвольте спросить, истинному объяснению ты в итоге пришел? – спросил с легкой агрессией шеф.

Михаил Аркадьевич пожал плечами и ответил:

– Все очень просто, Сева. Это и есть один предмет. Один-единственный. *Но в трех, так сказать, ипостасях!*

– В каких таких ипостасях? – заявил нервно Дудин, а Анна придвинулась еще ближе к часам.

Она дотронулась рукой до изящной чалмы магараджи, некогда украшенной квадратным изумрудом, который лежал сейчас на столе. С двумя себе подобными? Нет, с двумя другими своими ипостасями, как сказал бы Михаил Аркадьевич.

Мужчины о чем-то спорили, Аня же провела пальцами по хоботу слона. Затем ее пальцы оказались на стопе, той самой, где была чуть сколота эмаль. А затем около изящной колонны, украшенной переплетенными лианами, одной из четырех, что находилась в каждом углу массивных часов.

Повинуясь внезапному импульсу, Анна дотронулась до одной из колонн. Вернее, до резного листка лианы, который вдруг, подобно кнопке, ушел вниз. А потом – до свернувшейся в клубок змеи с обратной стороны часов. При этом пасть змеи закрылась, раздался легкий щелчок.

Вдруг раздалась райская музыка, и мужчины тотчас прекратили спор. Не отрывая глаз, Анна смотрела на то, как все четыре колонны, сопровождаемые исполнением старинного мену-

эта, повернулись вдоль своей оси. После чего сбоку, оттуда, где находилась массивная мраморная подставка, выскочил небольшой ящичек.

Ящичек, на дне которого лежал выцветший лист бумаги. И Михаил Аркадьевич, и Всеволод Романович обступили стол с обеих сторон, а главный реставратор осипшим голосом произнес:

– Как это у вас получилось?

Анна и сама не знала, как это у нее вышло. Разумеется, ей было известно: в галантном восемнадцатом веке мастера обожали подобные игрушки-тайники. Но ведь часам было больше двухсот лет! И механизм должен был вообще-то прийти в негодность, заржаветь, рассыпаться в прах! Ведь его уже в течение многих лет, вернее даже десятилетий, не смазывали машинным маслом, не приводили в действие, не ремонтировали.

Анну всегда смешили приключенческие фильмы, в которых главный герой – обязательно археолог, обязательно с волевым подбородком с ямочкой, обязательно в широкополой шляпе, – ища сокровища, вдруг попадал в святая святых индейцев, древних египтян, пиратов. И хитроумные механизмы, несмотря на то что не работали последние полторы тысячи лет, вдруг легко приводились в движение одним мановением руки этого самого главного героя.

Такое было возможно в голливудских фильмах, но не в действительности. Механизм уже через несколько лет, если никто его регулярно не использовал и не заботился о нем, приходил в негодность.

А тут выходило, что ей не только невесть каким образом – по наитию, не иначе! – удалось открыть тайник. Но еще играл и старинный менуэт, хотя обратиться в труху должен был не только механизм тайника, но и крошечная музыкальная шкатулка, видимо, вмонтированная в мраморный пьедестал часов.

Более того, чтобы музыкальная шкатулка могла заиграть, кто-то должен был ее завести. А если бы ее завели много лет, а то и десятилетий назад, то пружина, так и не приведенная в действие, постепенно сама бы распрямилась. И тогда она бы не могла услышать сейчас эту чудную музыку давно канувшей в Лету эпохи.

Но музыкальная шкатулка играла. И потайной механизм работал. И она невесть каким образом сумела наткнуться... Только вот на что?

Ее взгляд упал на лист бумаги, покоившийся в неглубоком ящичке. Лист был блеклый, кажется даже, частично истлевший. И на нем было что-то написано светло-синими чернилами!

Всеволод Романович потянул было руку, чтобы взять то, что лежало в ящичке, но его остановил возглас главного реставратора:

– Нет, только не руками! Потому что, стоит вам до него дотронуться, он превратится в пыль. И мы не знаем, что же там написано!

Шеф повиновался и отступил на несколько шагов от стола. Михаил Аркадьевич подошел к двери, распахнул ее и скомандовал:

– Илья, Сергей, ко мне! И захватите чемоданчик!

Видимо, под «чемоданчиком» подразумевался особый набор, потому что через несколько секунд появились два сотрудника, один из которых нес небольшой алюминиевый кейс.

Лист бумаги осторожно извлекли из ящичка при помощи особого пинцета, и все присутствующие смогли разглядеть тонкие линии и разводы. Однако прочесть то, что было написано на листе, не представлялось возможным.

– Илья, справитесь? – спросил главный реставратор, и один из сотрудников кивнул, в то время как другой осторожно помещал лист в особый прозрачный пакет.

– Справимся! – ответил его коллега. – Собственно, работы не так уж много. Только контраст усилить...

Ребята уже собрались уходить, но Михаил Аркадьевич жестом остановил их. Он посмотрел на Анну и спросил:

– Как вам это удалось?

Она не знала, что ответить. Что это случайность? Хотя нет, в том-то и дело, что не случайность. Она *знала*, как открыть тайник. Хотя была готова поклясться, что никогда этому не училась. Но не говорить же подобную чушь, все равно никто не поверит.

Хотя с учетом трех идентичных экземпляров часов и драгоценных камней с абсолютно одинаковыми изъянами вести речь о чуши не приходилось.

– Я...

Аня смолкла, чувствуя, что у нее от волнения сорвался голос. В нее вперилось четыре пары глаз. Все ждали ответа.

– Это вышло случайно! – выпалила она, понимая, что ее слова звучат более чем нелепо. Но ведь это была правда!

Михаил Аркадьевич кивнул, словно ожидал именно этого ответа, и произнес:

– Я был уверен, что часы с секретом, поэтому даже прогнал их через наш рентгеновский аппарат. Но мраморную глыбу, в которой был спрятан ящичек, он, конечно же, не взял. Мастера тогда были большие затейники, пришлось бы пару недель или даже месяцев голову ломать, прежде чем мы добрались бы до ящика. Да и механизм по всем законам физики должен был давно превратиться в труху...

Анна предпочла благоразумно промолчать – не говорить же, что именно об этом она и сама подумала! Тем более что после того, как она открыла тайник, ее слова о неисправности механизма выглядели бы более чем странно.

– Так пусть твои люди сейчас же установят, что там написано! – заявил нетерпеливо Всеволод Романович, а Михаил Аркадьевич ответил:

– Сделают, Сева, непременно сделают, тем более что для этого много времени не понадобится. А вот что я думаю... Если часы идентичны, то, кто знает, может быть, идентично и содержание тайников?

Он посмотрел на Анну, а потом указал на второй экземпляр. Решимость давно покинула девушку, она не знала, что и сказать. Но Михаил Аркадьевич улыбнулся и приободрил ее:

– Ну что же вы, не хотите попробовать? Я бы и сам сделал, однако ведь только вам известно, как вскрыть тайник! Так что прошу!

Анна взглянула на шефа, который уставился на нее, выпучив глаза. На лбу у него она заметила капли пота, хотя в подземной лаборатории было весьма прохладно.

Она протянула руку к второму экземпляру, провела рукой по колонне и вдавила лепесток обвивавшей его лианы. Тот ушел вниз, подобно клавише.

– С ума сойти! – произнес один из помощников, то ли Илья, то ли Сергей.

Анна же уверенным движением дотронулась до змеи, находившейся с другой стороны. Разинутая пасть пресмыкающегося захлопнулась, после чего раздалась знакомая музыка – старинный менуэт. Шеф даже подпрыгнул от ужаса.

А затем из мраморного основания часов выскочил ящичек. Затаив дыхание, она заглянула в него – так и есть, на дне ящичка тоже лежал листок, покрытый тонкими светло-синими линиями.

Анна могла поклясться, что листок как две капли воды походил на тот, что находился в прозрачном пакете, который держал в руке Сергей.

– За работу! – прервал затянувшееся молчание Михаил Аркадьевич, и его помощники извлекли лист бумаги из второго тайника.

Затем все взоры обратились на третьи часы. Те самые, покореженные, испорченные вандалами. Михаил Аркадьевич указал на них и заметил:

– Ну что же вы? Да, охотники за сокровищами выдрали драгоценные камни, отвертели бивень у слона, однако остальное не тронули. Или вы разрешаете на этот раз попробовать мне?

– Пусть она делает! – хрипло распорядился Всеволод Романович, и Анна подошла к третьим часам.

Она быстро совершила те же манипуляции, что и с предыдущими двумя. Однако листок-кнопка никак не хотел погружаться в колонну. Только с пятой попытки удалось это сделать.

У несчастной змеи когда-то наличествовали глаза из бриллиантов, которые, конечно же, были извлечены неизвестными грабителями. При этом они повредили пасть, которую теперь можно было свободно открывать и закрывать мизинцем.

Поэтому пришлось приложить изрядные усилия, чтобы пасть наконец защелкнулась. После этого раздалось жужжание, и четыре колонны пришли в движение. Однако вертелись они с разной скоростью, и вместо чудесного менюэта было слышно только скрежетание, перемежавшееся с мелодичными нотами.

Три колонны уже замерли, повернувшись на триста шестьдесят градусов, а одна так и не завершила круг, замерев где-то посередине. После короткой паузы послышался щелчок, и изнутри мраморного основания выскочил ящичек.

Только вышел он не полностью, а примерно на треть. Михаил Аркадьевич кивнул своим помощникам, и те осторожно вытащили ящичек из пазов. При этом что-то жалобно хрустнуло, и ящичек вдруг оказался в руках то ли у Ильи, то ли у Сергея.

Когда это произошло, сидевший на слоне магараджа вдруг покачнулся и брякнулся лицом вниз на спину гиганта.

– Занятный механизм! – сказал Михаил Аркадьевич. – Время будет, я его постараюсь починить. Ага, что у нас здесь?

На дне третьего ящичка, как и в двух предыдущих, лежал полуистлевший лист бумаги, покрытый светло-синей вязью.

Когда помощники его изъяли и унесли, первая фраза Дудина, обращенная к Анне, была такой:

– Только не говорите, что это случайность! Все равно не поверю!

Анна не намеревалась оправдываться, понимая – действительно не поверит. Только вот что тогда сказать?

– Я читала о таком механизме... Вернее, смотрела передачу... Не о таком, конечно, а о сходном... Часы в музее «Зеленые своды» в Дрездене...

Она несла какую-то чушь, однако именно это и успокоило шефа. Он сразу оживился, глаза у него заблестели, и он произнес:

– А, ну это все объясняет! Так и знал, что вы та, кто нам нужен!

И снова эта странная фраза! А вот главный реставратор, казалось, не поверил ее сказочкам.

– В «Зеленых сводах»? Что-то я не припомню там подобного экспоната... – начал он, однако его перебил Дудин:

– Стоило вам тут оказаться, Анна Игоревна, как вы сразу распознали, где тайник. И тогда, в деле Матильды Вербицкой, не подкачали...

Но в деле вдовы коллекционера она задействовала дедукцию, здесь же это было... Случайность? Улыбка фортуны? Гениальное прозрение? Элементарная случайность?

Случайностей не бывает...

Ни то, ни другое, ни третье. Анна поняла: она *знала*, как открыть тайник. Знала, и все тут. Только откуда пришло это знание, она сказать не могла.

Чтобы собраться с мыслями, она взяла часы в руки и вдруг заметила на мраморной подставке странную выемку неправильной формы. На скол от удара не похоже – кажется, выемка

была рукодельной деталью часов. Точно такая же была и на двух других экземплярах. Девушка вопросительно посмотрела на Михаила Аркадьевича.

– Какова ее функция, мы пока не ведаем! – ответил тот и прищурился. – Может, вы подскажите?

– Удалось выяснить, откуда вообще взялись эти часы изначально? – спросила Анна, понимая, что надо что-то сказать.

Михаил Аркадьевич кивнул и заметил:

– Представьте себе, удалось! Но тут опять какая-то чертовщина. Удалось найти того, кто продал изумруд и другие камешки. А также того, через чьи руки прошли часы номер два. В общем, не буду утомлять вас подробностями: это музей-усадьба «Чертяково».

«Чертяково», «Чертяково»... Где-то она уже слышала это название. Ну конечно же! Музей-усадьба под Питером. Не то чтобы особенно крупный музейный ансамбль или парковый комплекс. Скорее – провинциальный Версаль, публикой и экспертами, однако не особо жалуемый. И еще какая-то история с мистической подоплекой. То ли чудище там какое обитает, то ли монстр...

– Экспонаты похитили оттуда? – спросила Анна, на что главный реставратор ответил:

– В этом-то и суть! Нам удалось выйти на второго в цепочке. Он клялся и божился, что купил часы у того, кто имеет доступ в «Чертяково». Это не так уж и ново: крадут из музея и продают на сторону. Кто именно продал ему часы, этот второй в цепочке сказать не может. Понятное дело, имени он не спрашивал.

– А откуда тогда он знает, что вещь из «Чертяково»? – спросила Анна. – Неужели вор сам признался?

– Нет, конечно! Однако у скупщика краденого есть свои контакты, и он установил, что этот тип является сотрудником паркового комплекса. Только вот в чем проблема: этот сотрудник, некий Олег Леонидович Парамонов, три дня назад бесследно исчез. Пропал – и все тут!

– Сбежал? – предположила Анна, но Михаил Аркадьевич ответил:

– Его квартира в близлежащем городке забита вещами. Там нашли и его права, а также солидную сумму в долларах и рублях. Автомобиль Парамонова был припаркован во дворе дома, где он снимал квартиру. Если он и исчез, то не по своей воле.

Анна поежилась. Наверное, Парамонову помогли исчезнуть. Неужели его убили? И причиной всему – банальное воровство из музея?

– Однако самое интересное, что в экспонатах музея не значились эти самые часы! Их там никогда не было! И это заставляет задаться вопросом: откуда Парамонов взял их?

Михаил Аркадьевич сделал паузу, и тут же сразу заговорил Всеволод Романович:

– Анна Игоревна, здесь все свои, поэтому буду говорить без обиняков. Я предполагаю, что этот самый Парамонов наткнулся на клад семейства князей Святополк-Донских. Вам это имя что-то говорит?

Наморщив лоб, Анна произнесла:

– Старинный дворянский род... Не особо значительный в политическом плане, но очень древний и ужасно богатый... Кажется, один из Святополк-Донских был любовником Екатерины...

– Верно! – вставил шеф. – Недолго ему пришлось ублажать императрицу, потому что Дмитрий Святополк-Донской предпочел стареющей императрице ее молодую фрейлину, чем крайне оскорбил Екатерину. Якобы даже Екатерина застала их, как они предавались любви на ее, царском, ложе. Любой в такой ситуации впал бы в гнев. Однако в итоге она дала согласие на их свадьбу, а в качестве свадебного подарка преподнесла вот это самое имение, где был позднее построен дворец. Только подарок был двусмысленным, Екатерина не забыла оскорбления, которого ей нанес молодой князь. И якобы даже обратилась к помощи колдуньи, которая по велению императрицы его прокляла, заявив, что счастья молодым не будет и что юная кня-

гиня не проживет и нескольких лет после свадьбы. Так, кстати, и случилось. А место, где стоит дворец... Оно уже тогда пользовалось дурной славой. Сейчас бы сказали: геопатогенная зона. Различные странные огоньки, явления неведомых человекообразных существ, исчезновение жителей и туристов...

– А время от времени – жесточайшие убийства! – вставил Михаил Аркадьевич. – Вроде бы и не человеком совершенные, а каким-то... Каким-то демоном! Вот и назвали это место – Чертяково. Потому что, по народным поверьям, там черти на болотах водятся!

Анна припомнила полузабытую историю этого дворцового комплекса:

– Ах, ну да, Екатерина милостиво позволила князю и его избраннице пожениться, но повелела поехать в подаренную ей деревеньку, это самое Чертяково. И жить там безвылазно. Так сказать, почетная ссылка.

– И князь, понимая, что противиться желанию монархини глупо, решил построить там дворец для себя и молодой жены, – ввернул Михаил Аркадьевич. – Только вот счастье семейное длилось недолго, потому что молодую княгиню, которая была на шестом или седьмом месяце беременности, нашли как-то утром в пруду. Конечно, уже мертвую. Сразу заговорили, что это нечистая сила...

Шеф же поморщился и сказал:

– Наверняка ее убил сам князь, потому что он, говорят, был не в себе. И что это у них в роду наследственное. Так что Екатерине еще повезло, что он в ее постели не задержался. А то бы убил великую императрицу в припадке безумия...

Он усмехнулся и продолжил:

– Но княжеский род не вымер. Святополк-Донской быстро заключил мезальянс и женился на французской гувернантке своей покойной жены. В высшем обществе от него отвернулись, но французенка родила ему долгожданного сына. Княжеский род скопил к революции огромные богатства. Последний князь из рода Святополк-Донских был большой эксцентрик и очень, повторяю, очень любил драгоценности. Наследников, во всяком случае, официальных, он не оставил. А потом и сам сгинул летом 1918 года. К тому времени большевики желали экспроприировать его знаменитую коллекцию. Но когда нагрянули с обыском, то князя не нашли. И его коллекции драгоценностей, которая занимала две большие комнаты, – тоже. Конечно, дворец был забит под завязку другими шедеврами, но намного более объемными и не столь ценными. По слухам, князь прознал через своих людей о готовящемся аресте и удрал в Финляндию. Но дело в том, что нигде он потом не объявился. И, что самое важное, его коллекция драгоценностей – тоже. По другим слухам, князя забрал к себе черт. Князь все предлагал рогатому в обмен на свою жизнь драгоценности, тот их прикарманил, а князя обманул. И утащил за собой в ад...

Он сделал драматическую паузу и заметил:

– Но я думаю, что все намного проще. Князя то ли убили его же слуги, то ли с ним приключился несчастный случай, то ли он бежал и погиб при переходе границы. Коллекция драгоценностей, если ее упаковать, занимала два или три небольших кофра. Так что в случае необходимости один человек мог вполне на себе унести. Если бы, как в случае с Остапом Бендером, драгоценности оказались в руках алчных пограничников или лютых бандитов, то все равно хотя бы какая-то часть уникальных украшений рано или поздно всплыла бы на рынке. Но этого так и не произошло. Конечно, чемоданы могли, к примеру, пойти на дно Финского залива вместе с самим князем, где покоятся до сих пор...

Тут он посмотрел на Анну и сказал:

– Но то, что сейчас невесть откуда взялись эти часы, убедило меня в том, что князь сбежал без драгоценностей, видимо, намереваясь вернуться. А потом погиб. Тайник без малого сто лет был никому не известен, но этот Парамонов обнаружил его и стал потихоньку сбывать ценности. А это значит...

Фразу вместо него завершил Михаил Аркадьевич:

– А это значит, что сокровища князей Святополк-Донских – не миф и что они находятся где-то в этом самом «Чертяково»!

Мужчины переглянулись, а затем перевели взгляды на Анну. Шеф, подойдя к ней, вкрадчиво произнес:

– Я уже упоминал дело Матильды Вербицкой. Вам бросилось в глаза то, что прошло и мимо меня самого, и мимо наших экспертов, и службы безопасности. Но тогда ситуация была хоть и щекотливая, но все же мы могли действовать в открытую. А в данном случае...

Он взглянул на Михаила Аркадьевича, и тот, кашлянув, произнес:

– Кстати, коллекции драгоценностей князей Святополк-Донских мог позавидовать любой монарший дом, в том числе и Романовых. Самое удивительное, что после экспроприации выяснилось: исчезли не только драгоценности, но и практически вся наличность. В банках на счетах ничего не было! Остались, конечно, редкостная коллекция картин, мебель, гобелены, серебряная и даже золотая столовая посуда, монеты, геммы, античные статуи и амфоры. Но все это, конечно же, относится к разряду трудно транспортируемых предметов. А куда девались княжеские миллионы?

Шеф посмотрел на Анну и сказал:

– Ответ один: князь, понимая, что надо делать ноги, обналечил все свои средства, не исключено, накупил на них драгоценностей и... И исчез! Как и сама коллекция! И вы должны помочь нам найти ее!

Анна развела руками:

– Но как я могу помочь в этом? То, что мне удалось выйти на след преступника в деле Матильды Вербицкой, – чистая случайность! Да и у вас имеется целая команда специалистов и служба безопасности!

– Запомните: случайностей не бывает! – заявил главный реставратор. – Разве случайность, что вы работаете в нашем аукционном доме? И что именно вы оказались здесь, в подземном хранилище? И что именно вам удалось обнаружить тайники в часах?

Она не знала, что отвечать, потому что не согласиться с ним было сложно.

– Ну вот видите, я сразу понял, что вы именно тот человек, который нам нужен! – продолжил Всеволод Романович. – Вы правы – в нашем распоряжении имеются и эксперты, и служба безопасности. Однако если в усадьбе «Чертяково» вдруг появится команда ученых или, что еще хуже, группа ребят мрачной наружности, это, согласитесь, тотчас бросится в глаза. Кто-то, и в этом я не сомневаюсь, обнаружил доступ к тайнику с сокровищами князей Святополк-Донских. Вероятнее всего, это тот самый исчезнувший Парамонов. Но я не верю, что он исчез со всеми драгоценностями. Не исключено, ему помогли исчезнуть его поделщики...

Шеф пристально посмотрел на Анну и продолжил:

– Это значит, что они настороже. Как, впрочем, и наши конкуренты. Вам ведь прекрасно известно, Анна Игоревна, что бизнес в сфере искусства еще более жестокий, чем любой другой!

Анне это было известно не понаслышке. Многие коллекционеры были готовы пойти по трупам, лишь бы заполучить желанный шедевр. Причем «по трупам» в данном случае было вовсе не образным выражением.

А их конкуренты, прочие аукционные дома, частные галереи или просто эксперты-менялы, были также готовы на все, лишь бы удовлетворить желания богатых и жадных коллекционеров. Получался замкнутый круг.

– Стоит кому-то разнюхать, что команда моих специалистов отправилась в Чертяково, как наши конкуренты тут же спустят с цепи своих собак. А утаить такое сложно. Делиться же с ними нашей добычей я вовсе не намерен.

Главный реставратор перенял эстафету, заметив:

– И совсем другое дело, когда в провинциальный музей-усадьбу приедет специалист-одиночка, являющийся к тому же прелестной молодой женщиной...

Анна уже поняла, к какой роли ее готовили. Но все дело было в том: согласится ли она на это?

Словно чувствуя ее сомнения, в разговор снова вступил шеф:

– Поверьте, Анна Игоревна: я вам доверяю, а доверяю, если уж на то пошло, я не такому большому количеству людей!

– Подтверждаю это! – заявил с усмешкой Михаил Аркадьевич. – По себе знаю!

Всеволод Романович продолжил:

– Одно дело – выдумывать для сотрудника, в искусстве ничегошеньки не понимающего, легенду. И другое – задействовать с самого начала профессионала. Такого, как вы, Анна Игоревна! От вас ведь ничего особенного не требуется – приедете в Чертяково, осмотритесь на месте. И, я не сомневаюсь, от вас не ускользнет, кто является сообщником Парамонова.

Склонив голову, Анна молчала. Шеф же продолжил:

– Подумайте, какие это открывает захватывающие перспективы! Вы станете тем человеком, который обнаружит коллекцию драгоценностей, считающуюся давно утерянной. И это ведь не только слава, но и деньги!

– А коллекцию, как я полагаю, вы хотите потом пустить с молотка в нашем аукционном доме? – спросила Анна, и шеф благодушно рассмеялся:

– Это как получится! Потому что, если коллекция в самом деле существует и вам удастся найти ее, то, конечно, вступают в игру государство и наследники княжеского рода. Наследников, во всяком случае, прямых, у последнего князя не было. Права всех остальных, побочных и неофициальных, сомнительны. Что же касается нашего любимого государства...

Мужчины переглянулись, и Анна вдруг поняла, что они замыслили. Конечно, у шефа есть связи, в том числе и в силовых структурах, однако в случае обнаружения коллекции даже эти друзья не смогут ему помочь – драгоценности точно не попадут в аукционный дом, а окажутся в музее.

Другое дело, если до того, как на коллекцию наложит лапу государство, она окажется в руках надежного человека. Того, кто, например, сможет изъять некоторые наиболее ценные и уникальные экспонаты, которые потом и смогут найти новых владельцев – даже минуя открытую продажу.

– Что же касается государства – об этом не беспокойтесь. Ваше дело – найти коллекцию или человека, который ее уже нашел.

Анна решила, что не будет помогать шефу в этой грязной игре. Потому что он пытался ее руками вытащить из огня каштаны, вернее драгоценности княжеской династии. Ведь если станет известно, что из обнаруженной коллекции исчезли какие-то вещицы, то на кого падет подозрение?

Правильно: на того, в чьих руках она побывала! То есть на нее саму! И шеф всегда сможет отвертеться, заявив, что не отдавал никакого приказа изымать ту или иную безделушку. И что это инициатива его вороватой сотрудницы.

Интересно, что и доказать потом, что в «Чертяково» она отправилась по просьбе шефа, она не сможет. Он ведь точно не отдаст ей письменное приказание!

– Это весьма и весьма рискованное предприятие! – заявила Анна. – А я, как вы сами сказали, всего лишь молодая женщина. Если исходить из того, что этого самого Парамонова убили, то те, кто заполучил доступ к коллекции, не остановятся и перед новым преступлением.

– О, мы это уже продумали! – заявил шеф, сам не осознавая, что своей фразой выдал себя с головой. Надо же, они это уже продумали? Интересно, кто?

Ответ был очевиден – он сам, главный реставратор, по совместительству – его двоюродный брат и совладелец аукционного дома, а также начальник службы безопасности, который тоже был с ними в доле.

Михаил Аркадьевич, заметив, что шеф допустил оплошность, тотчас постарался ее исправить.

– Анна Игоревна, вам нечего бояться! Но вы, конечно, правы, это не будет простая прогулка или поездка по историческим местам. Опасность имеется, этого никто не отрицает. Однако опасность имеется и здесь, в Москве! А там, в «Чертяково», имеется неразгаданная загадка. И клад! А это ведь не только деньги, но и слава! Ваша слава!

Он знал, как убеждать людей. Анна колебалась. Конечно, они используют ее в своих целях, но ведь и она может использовать их в своих!

– А о своей безопасности вам беспокоиться нечего. Потому что вы будете работать под прикрытием – я имею в виду, что вас будет сопровождать один из тех людей, на кого можно положиться. И который защитит вас от любых невзгод.

Шеф кашлянул и добавил:

– Теперь к финансовой стороне вопроса... Вы ведь в курсе, Анна Игоревна, что освобождено место главного искусствоведа? Оно – ваше, если вы согласитесь поехать в «Чертяково» и узнать, что же там на самом деле происходит!

Она была права: все-таки эта беседа была не более чем тестом на профпригодность. Но ведь она так жаждала заполнить это место! Это означало не только то, что она стала бы одной из ключевых персон в аукционном доме, но и одной из наиболее высокооплачиваемых.

– А если я ничего не найду? Если никакого клада нет? Или есть, но те, кто его обнаружил, уже вывезли его в неизвестном направлении? – спросила Анна. – Тогда я ничего не получу и буду трудиться на своей прежней, весьма скромной ставке?

Шеф тотчас заверил ее:

– Место ваше при любом раскладе. Если клад – выдумка, то ничего не поделать. Но ведь откуда-то эти чертовы часы все-таки взялись! Значит, там что-то должно быть, должно!

Анна была с ним согласна. В «Чертяково» что-то было. И ей самой не терпелось узнать, что же именно. Однако она все еще колебалась.

– Анна Игоревна, все остальные давно бы уже приняли предложение, а вы все еще не готовы ответить согласием, – заметил Михаил Аркадьевич. – Однако это не претензия и не укор, а, наоборот, комплимент. Сразу видно, что вы справитесь с поставленной задачей! Так ведь?

Ей так хотелось сказать – «да»! Но Анна не решалась, потому что уж слишком это походило на сделку с дьяволом. Ведь они пока что не говорят, чего ожидают от нее: чтобы она помогла им присвоить коллекцию князей Святополк-Донских. Конечно, сейчас и не скажут, а перейдут к делу, когда она найдет для них драгоценности. А потом убедят ее – или играя на честолюбии, или суля денег, или просто запугав.

Если она откажется, то они найдут кого-то другого. Только что с ней будет в таком случае? Анна подумала, что находится сейчас под землей и, если она вдруг пропадет, никто ее никогда не найдет.

Как и этого Парамонова. Как и жителей «Чертяково». Как и последнего представителя княжеского рода.

Однако она отогнала такую мысль. Ничего с ней не произойдет, просто карьеры ей в аукционном доме тогда точно не сделать. И в любом другом – тоже. Потому что и шеф, и Михаил Аркадьевич имеют вес в искусствоведческом бизнесе.

Собственно, выбор уже был сделан – за нее, еще до того, как она оказалась в этом мрачном бункере. А от нее требовалось только одно – принять условия игры.

– Так ведь вы согласны? – произнес шеф, вперив в Анну пристальный взгляд.

Она ничего не успела ответить, потому что раздался голоса и на пороге комнаты появился один из экспертов, то ли Илья, то ли Сергей.

Он доложил, что им удалось прочитать написанное на листках бумаги, и шеф вместе с главным реставратором тотчас вышли прочь. Анна последовала за ними. Они прошли в комнату, заставленную современной техникой. В глаза ей бросилась большая подсвеченная доска, на которой находились все три листа, извлеченные из часов.

Другой эксперт, давая по ходу действия объяснения технического характера, вывел на большой экран отсканированное изображение того, что было начертано на листках.

– Причем мы снова имеем дело с необъяснимым явлением. А именно – с устроением не только часов, но и записок! Потому что и они идентичны!

Он наложил три электронных изображения записок одно на другое, и стало видно, что линии полностью совпадают.

– Ладно, с этим мы разберемся позднее! – заявил нетерпеливо шеф. – Что там написано? Неужели... Неужели там указан путь к тайнику?

Анна подумала, что подобный вариант ее бы очень даже устроил. Тогда бы не пришлось ехать в «Чертяково», не пришлось бы становиться участницей этой, по сути, преступной акции.

Но в том-то и дело: участницей преступной акции она уже стала, как только спустилась на подземный уровень, хотя этого и не желая и ни о чем не подозревая. Как сказал Михаил Аркадьевич – случайностей не бывает!

– Ну, это вам самим судить! – произнес эксперт, навел резкость и движением мышки изменил контраст. Светлая бумага стала темной, а темные линии – светлыми. Эксперт увеличил изображение, и все вперили взгляды в то, что было начертано на записках.

– *«Отойти влево, повернуться, шагнуть вправо и упасть вниз».* Что за бред?

Но именно это и содержалось в записках. Мужчины снова и снова перечитывали то, что отображалось на экране, а Анна, ни жива ни мертва, стояла, думая, что сейчас упадет в обморок.

Теперь она точно знала, что поедет в «Чертяково». По-другому и быть не могло. Она все еще не верила тому, что видела перед собой на экране. Однако это не был сон. Или галлюцинация. Или идиотская шутка. Это была правда!

– Странно, странно, – качнул головой Михаил Аркадьевич, снимая с подсвеченной доски пакет, в котором находилась одна из записок. – Очень странно!

Он внимательно рассмотрел записку, а потом произнес:

– Конечно, листки придется подвергнуть тщательному анализу, однако на первый взгляд – это ведь конец восемнадцатого – начало девятнадцатого века?

– Так точно! – отрапортовали Илья и Сергей. – Бумага наверняка того времени, как, впрочем, и чернила, и, соответственно, сама надпись.

– Так в чем же дело? – спросил нетерпеливо Всеволод Романович. – Какая, собственно, разница?

– А такая, Сева! – заявил главный реставратор. – После поверхностного осмотра я тоже склоняюсь к мнению, что это не подделка. Хотя не исключен вариант, что бумага настоящая, двухсотлетней давности, а вот надпись сделана намного позднее. Иного вывода в данной ситуации быть и не может! А что вот вы скажете, Анна Игоревна?

Он протянул ей пакет с запиской, и Анна машинально взяла его. Сделала вид, что внимательно изучает, хотя голова у нее шла кругом. Она снова взглянула на большой экран. А потом перевела взгляд на записку, которую держала в руке. Ей сделалось дурно.

– Думаю, что вы правы, но нужно произвести анализ бумаги, анализ чернил, помимо этого... – начала она и запнулась. Главный реставратор усмехнулся и, взяв у нее записку, ответил:

– Этим и займемся. Однако я буду весьма удивлен, если это подделка. Потому что часы не были подделкой. Отчего же тогда спрятанные в них записки должны быть подделкой? Идентичные записки в идентичных часах!

– Кто-нибудь мне объяснит, в чем дело? – спросил отрывисто шеф. – Почему у вас вообще возникли сомнения в подлинности этих цидулек? Ну мало ли кто их туда двести лет назад сунул! Какая-нибудь юная княжна или князек баловались, сунули записку, потом забыли и...

Михаил Аркадьевич снисходительно усмехнулся:

– Сева, ты, конечно же, великолепный бизнесмен, но никудышный историк и искусствовед. Хотя здесь не требуется быть ни тем ни другим. Посмотри на содержание записок!

Всеволод Романович с несколько тупым выражением лица уставился на экран и произнес то, что высвечивалось на экране:

– «Отойти влево, повернуться, шагнуть вправо и упасть». И что с того? Только не говори, что это описание того, как найти тайник с кладом! Упасть! Куда упасть? В колодец? С крыши? Оттуда отойти влево? От камня? От дерева? От могилы?

– Не в содержании дело, Сева! – произнес, морщась, Михаил Аркадьевич. – Пока что, во всяком случае. Да, непонятно, о чем идет речь, но это мы рано или поздно установим. Повторяю, не в содержании. А в написании. В орфографии!

Всеволод Романович уставился на короткую фразу, от напряжения даже зашевелил губами, читая ее про себя, и наконец выдал:

– Что, там ошибка какая-то? А по-моему, написано все верно! Даже если и с ошибкой, то что с того? Или ошибка – это скрытый указатель, как читать этот шифр? Понял, записка – тайный текст! Как в «Коде да Винчи», так ведь?

Михаил Аркадьевич усмехнулся и заявил:

– Шифр или не шифр, мы это узнаем в свое время. Я вел речь о другом. Записке сколько лет? Двести или около того? Так почему же она написана современным русским языком? А не с учетом тогдашней орфографии?

Всеволод Романович пригляделся к записке, затем ударил себя ладонью по лбу и сказал:

– Как же до меня сразу не дошло, Миша! Ты прав, ты тысячу раз прав! Подделка, как пить дать, подделка! Не мог же кто-то в конце восемнадцатого или начале девятнадцатого века писать так, как мы пишем сейчас! Реформа языка когда была?

– В 1918 году, – заметил лаконично главный реставратор. – То есть примерно лет через сто после того, как некто написал эту странную фразу. Первое же предположение – конечно, подделка. Но какой смысл подделывать старинную бумагу и чернила, если фальсификатора с головой выдала его неверная орфография? Точнее, не неверная, а анахроничная.

– Ну, все на чем-то прокальваются! – заявил шеф, а Михаил Аркадьевич повысил голос:

– Сева, человек, который приложил усилия, дабы подделать эту записку, должен был учесть и это! В первую очередь именно это! Можно выбрать не тот сорт бумаги, не те чернила. Но написать записку современным русским и выдавать ее за записку двухсотлетней давности – это же курам на смех. Если только...

Он замолчал и уставился на Анну. Та же, скрывая волнение, старалась не смотреть на Михаила Аркадьевича.

– Если только целью автора записки не было привлечь таким образом внимание! Потому что если бы обнаруженная нами записка была написана с учетом тогдашней орфографии, особенно ажиотажа она бы не вызвала. Как ты сам и сказал, Сева: цидулька, напарпанная ребенком. А так – это сенсация! Причем мировая! Если, конечно, выяснится, что бумага и чернила настоящие. Кстати, вы ведь, кажется, хотите что-то сказать, Анна Игоревна?

Сказать Анна ничего не хотела, наоборот, она желала ничего не говорить. Она снова перевела взгляд на экран с изображением текста записки.

Потому что она или сошла с ума, или видела кошмар. Или, не исключено, сошла с ума и видела кошмар, находясь при этом в состоянии комы где-нибудь в психиатрической лечебнице.

– Да... – произнесла она хрипло. Откашлявшись, она продолжила: – Я хотела ответить на ваш вопрос. Конечно же, я приму ваше предложение. И поеду в Чертяково. И сделаю все, что от меня зависит, дабы найти...

– Отлично! – прервал ее Михаил Аркадьевич. – Другого ответа от вас я, собственно, и не ожидал. Но вы ведь хотели сказать что-то по поводу записки. Или я ошибаюсь?

– Ошибаетесь, – подтвердила Анна, чувствуя, что сердце готово выпрыгнуть у нее из груди. Она могла сказать много, но тогда ей точно не покинуть подземного этажа. Потому что то, что она намеревалась сказать, было не просто сенсационно или невозможно. Оно было просто-напросто ирреально.

– Ну что же, такое тоже случается. Хотя и редко! – провозгласил Михаил Аркадьевич. – Илья, Сергей, немедленно приступайте к анализам. Результаты нам нужны в течение трех ближайших часов.

Шеф же заявил:

– А мы пройдем ко мне в кабинет и обсудим детали. К нам присоединится Олег Егорович... Так ведь, Аня?

Олегом Егоровичем звался начальник службы безопасности аукционного дома. И девушка обратила внимание на то, что шеф назвал ее Аней. Хотя всегда корректно обращался к ней на «вы» и по имени-отчеству.

Что же, Рубикон перейден, пакт с дьяволом она подписала, и для этого не потребовалось даже ставить инициалы собственной кровью. Да, она заключила договор с чертом – и намеревалась как можно быстрее отправиться в «Чертяково».

Они вышли из комнаты и двинулись к лифту. Мужчины шли впереди и о чем-то оживленно беседовали. Анна же задержалась на несколько мгновений на пороге комнаты и снова взглянула на записку, которая светилась на экране.

«Отойти влево, повернуться, шагнуть вправо и упасть».

Нет, в трепет ее ввергло вовсе не содержание записки. А тот непреложный факт, что... Анна никак не могла в это поверить, но с учетом того, чему она стала свидетельницей, приходилось поверить. Она все старалась ущипнуть себя, проверяя, не спит ли она. Нет, не спала. И не была пьяна, и не находилась под воздействием наркотических веществ.

И часы, идентичные вплоть до последнего атома, и записки, идентичные до последней завитушки, – все это были звенья одной и той же цепи. Только где она начиналась? И где завершалась? Во всяком случае, и в этом Аня уже не сомневалась, эта цепь, подобно тропической змее-хищнику, держала ее в своих удушающих объятиях. И вырваться из них она не могла. И, скорее всего, не хотела.

Нет, дело было не в одинаковых часах. И не в одинаковых записках. И не в странной орфографии этих записок.

Дело было в ином. Но об этом Анна никому ничего не сказала и не намеревалась говорить. А сами узнать это они тоже не могли.

Дело было в почерке. Почерке, которым были написаны все эти три записки. Анна узнала его тотчас, как только взглянула на экран. Речь шла не о том, что этот почерк похож на какой-то ей известный.

Это был именно тот самый почерк. Один в один. Сто процентов.

Ее собственный.

Анна вышла из автомобиля и захлопнула дверцу. Вот она и на месте, прибыла в «Чертяково». Она посмотрела на высоченные витые ворота музея-усадьбы. А затем, расплатившись с водителем, двинулась вперед по широкой аллее, которая вела ко дворцу.

С момента странных событий на подземном уровне аукционного дома миновало пять дней. Пять дней, в течение которых Аня практически не спала. А если и спала, то урывками. Стоило ей смежить веки, как возникала картинка – записка, написанная ее почерком. *Ее собственным почерком.*

Совладать с ситуацией ей помог крепкий черный кофе, который она попросила, оказавшись снова в кабинете шефа. Сидя в кресле и прихлебывая обжигающий напиток, Анна думала о том, что это невозможно. Что ей почудилось. Что она сама себе внушила какую-то ужасную, небывалую глупость.

А затем, не утерпев, она взяла украдкой бумажную салфетку и написала на ней эту самую фразу. «Отойти влево, повернуться, шагнуть вправо и упасть».

Да, сомнений быть не могло. Это был ее почерк. Только вот как...

В тот самый момент, когда в кабинет вошел Олег Егорович, подтянутый седовласый бывший чекист в сшитом в Лондоне костюме, салфетка соскользнула у нее с колен и приземлилась на пол.

И надо же такому случиться – она не успела поднять ее, потому что ее опередил Михаил Аркадьевич. Конечно же, не упустив при этом возможности взглянуть на то, что на салфетке было написано.

– А у вас отлично получилось, – произнес он, пронизательно глядя на девушку. – Как я вижу, у вас не только удивительная зрительная память, но и редкостный талант копииста. Где вы этому научились?

Впрочем, выдумывать ответ не пришлось, потому что перед ней уже стоял Олег Егорович, протягивая Анне бледную крепкую ладонь.

Затем последовал разговор. Речь шла о том, как Анне следовало себя вести и на что в первую очередь обратить внимание. Олег Егорович, посвященный во все детали, заявил:

– Посылать кого-то из людей, которые работают в нашем аукционном доме, крайне опасно. Ведь всегда можно сделать тайный снимок при помощи мобильного, отправить куда надо, и все, отличная легенда пойдет насмарку. Одной сотрудницы аукционного дома уже хватит, двое – будет перебор. Вы не будете скрывать, где работаете, однако причина вашего визита – работа в архиве и сбор материала для диссертации.

– Кандидатской или докторской? – спросила Анна. – Это ведь тоже можно проверить!

– Пусть проверяют! – отрапортовал начальник службы безопасности. – У вас и визитки будут соответствующие. Ваше имя внесено в список аспирантов вуза, комар носа не подточит. А научный руководитель, у которого вы пишете работу, сейчас находится в зарубежной командировке и вернется только к осени. Но ваше появление ни у кого подозрения вызвать не должно. Сложнее с вашим ангелом-хранителем...

Анна, видимо, скривилась, потому что Олег Егорович заявил:

– Да-да, не морщите губки. Он вам понадобится. Вообще, не женское это дело...

– Анна Игоревна – тот человек, который нам нужен! – отрубил, сузив глаза, Михаил Аркадьевич. – И она уж точно не привлечет к себе внимания. Точнее, привлечет, ведь она молодая симпатичная дама, но не то внимание, которое привлек бы шатающийся по музею и выспрашивающий и вынюхивающий мужлан.

– Ну, у нас имеется и типаж хилого студентика, однако вы правы. Женщина – всегда лучшее прикрытие. Однако любой женщине требуется, как я уже сказал, ангел-хранитель. И вашего, Анна Игоревна, зовут Кирилл...

Анна слушала его вполуха, размышляя над тем, как в часах мог оказаться текст, написанный ее почерком. И пришла к выводу, что никогда раньше такого текста не писала.

«Отойти влево, развернуться, шагнуть вправо и упасть».

Так что было исключено, что кто-то похитил написанный ею некогда текст и использовал для того... Для того чтобы спрятать его в этих старинных часах? Причем в трех экземплярах?

Но разве имелось какое-то объяснение тому, что ей стало известно? Какое-то иное? Видимо, имелось, однако ей оно было неизвестно. И хотелось докопаться до истины – во что бы то ни стало! Поэтому она и дала согласие на поездку в «Чертыково»...

– Кирилл – профессионал, на него можно положиться, кроме того, он мой племянник, – гудел Олег Егорович, а Анна лениво подумала, что и тут рука руку моет: дядя пропихнул на синектуру своего родственничка. Но какое ей дело до этого Кирилла? Хотя есть кое-какое: он ведь ее ангел-хранитель, и от него будет в итоге зависеть ее жизнь. Этот Кирилл ей сразу же стал крайне неприятен.

Секретарша доложила, что к Михаилу Аркадьевичу пришел помощник, и того тотчас допустили в кабинет шефа. То ли Илья, то ли Сергей доложил:

– Экспресс-тесты показали: бумага настоящая, изготовлена не раньше 1795-го и не позднее 1812 года. Чернила, которыми сделаны все три надписи, аутентичны. Сейчас принимаемся за более серьезную проверку...

Он исчез, а Олег Егорович, которого быстро ввели в курс дела, задумался, а потом произнес:

– А как насчет такого варианта: и бумага, и чернила настоящие, старинные. Бумагу можно найти, скажем, в музеях, архивах, библиотеках или у антикваров. Там же можно обнаружить и старинные чернильницы, на дне которых сохранились засохшие остатки чернил. Разбавить их – и все, можно писать старинными чернилами на старинной бумаге! Но в наше время!

Михаил Аркадьевич усмехнулся:

– Хитро, и раньше бы такой трюк наверняка произвел фурор. Но не в наше время, Олег! Мои ребята же сказали: они начинают серьезную проверку. И они установят, чем были сделаны надписи на бумаге. Потому что на ней, даже по прошествии двухсот лет, остались микроскопические частицы пера, которым водили по листу. Подвергнув экспертизе эти частицы, они вынесут вердикт: старинное это перо или нет!

– Старинных перьев полно у любого старьевщика! – парировал начальник службы охраны. – Эка невидаль! Найти гусиное перо позапрошлого века, которым, может, какой дьяк доносы строчил, окуни его в разбавленные чернила, проведи по старинной, найденной в архиве бумаге – и все, идеальная подделка готова!

Он победоносно посмотрел на главного реставратора, а тот лишь горестно качнул головой.

– Да, еще лет пять назад, даже года три, это было бы проблемой. И любая экспертиза подтвердила бы – да, все настоящее, и бумага, и чернила, и перо, которым написали странное послание. Но наука же на месте не стоит. У моих ребят имеется возможность определить не только возраст бумаги, чернил и пера, но и время, когда была нанесена надпись. С точностью до десяти лет!

Олег Егорович присвистнул и спросил:

– И что, результаты этой экспертизы надежные?

– Практически стопроцентные! – заявил самодовольно Михаил Аркадьевич. – И тогда, с точностью до десятилетия, мы и будем знать, когда кто-то написал эти записки. Может быть, даже и кто – потому что мои ребята снимут, если на бумаге имеются, отпечатки пальцев и возьмут пробы органики, по которым, если что, можно будет провести генетическую экспертизу.

Говоря это, он смотрел на Анну, а та, сама не ведая отчего, вдруг похолодела. Но с чего ей бояться? Она ничего не поддельвала, к этой афере, если вообще имела место афера, причастна не была. Но все равно испугалась!

Чтобы не выдать своего состояния, она собрала волю в кулак и подала голос:

– Но что даст генетический анализ? Ведь он важен только в случае сопоставительной экспертизы. А с чем можно будет сопоставить образцы ДНК, которые, предположим, ваши люди найдут на записках?

Олег Егорович хохотнул и подмигнул Анне, мол, хороший вопрос. Михаил Аркадьевич же пояснил:

– Сопоставлять пока действительно не с чем. Однако анализ ДНК позволит нам узнать, кем был автор записки. Скажем, мужчина это или женщина. Этническое происхождение. Даже примерный возраст...

Анна снова похолодела, а потом сказала:

– Но ведь может статься, это будут образцы ДНК кого-то другого. Например, служанки. Или мальчика-посыльного. Или вообще собаки, которая вертелась в момент написания записки рядом! Кроме того, мы ведь сами трогали все три записки. На ней имеются и наши отпечатки, и наши образцы ДНК!

– Каждый из нас сдаст свои образцы, чтобы мои ребята могли исключить их во время проведения анализа...

Тут настал черед Всеволода Романовича возмущаться:

– Миша, ты что тут развел анализы, как будто мы все поисками сбежавшего Чикатило заняты! Еще чего: сдавать образцы ДНК? Что, кровь сдавать или слюну? Не бывает такому!

Михаил Аркадьевич взял с лацкана шефа волос и заявил:

– Этого вполне достаточно.

Затем он повернулся к Анне и спросил:

– Вы позволите?

Он поднес руку к ее голове с явным намерением выдернуть волос, но его остановил голос Всеволода Романовича:

– Миша, прекрати! Хватит глупых шуточек!

– Это не шутка, Сева, а естественная необходимость. Надо исключить возможность занесения чужих образцов ДНК...

И он снова поднес руку к голове Анны. В этот момент раздалась приглушенная телефонная трель. Не извиняясь, Олег Егорович вынул свой мобильный. Всеволод Романович сделал страшные глаза, и Михаил Аркадьевич, так и не взяв на анализ волос Анны, опустил обратно в кресло.

– Так-так, ты уверен? Значит, даже так? Отлично! Спасибо за информацию! Ну, бывай!

Он завершил разговор, как-то недобро усмехнулся и заметил:

– Похоже, дележка клада в самом разгаре. Потому что полчаса назад был обнаружен труп одного из сотрудников музея-усадьбы «Чертяково». Он был зверски убит.

– Зверски – это, позвольте спросить, как? – осведомился Михаил Аркадьевич. – Ему что, кишки выпустили?

Начальник службы безопасности сверкнул глазами и пояснил:

– Если бы только это... Кто-то буквально превратил несчастного в фарш, не только выпотрошил внутренности, но откусил голову. Причем ее саму убийца на месте преступления не оставил, а прихватил с собой!

– Откусил? – сипло произнес шеф.

Анна вздрогнула, а Олег Егорович продолжил:

– Да, откусил. Наши славные правоохранительные органы говорят о нападении диких зверей. Но что за зверь это должен быть, чтобы так изуродовать человека?

– Или мы имеем дело с умалишенным? – предположил Всеволод Романович боязливо.

Начальник службы безопасности ответил:

– Одно из двух: или убийца в самом деле безумен, или очень хитер. Ведь это самое «Чертяково» – так называемая геопатогенная зона – весьма популярная среди туристов-любителей паранормального экстрима. Болота и лес, окружающие усадьбу, издавна пользуются дурной славой. Раньше речь вели о чертях, о лешем, о ведьмах... А потом появился монстр! Чертяковский монстр!

Шеф уже совсем дрожащим голосом спросил:

– Что это такое за зверь? Какой такой монстр?

Олег Егорович, которому, кажется, доставляло удовольствие нагонять страх на своего начальника, охотно пояснил:

– Как я уже сказал – Чертыковский. Якобы какое-то чудище, которое водится там, в лесах и болотах, и время от времени, с большими промежутками, пробуждается к жизни всего на несколько дней. И в течение этих дней оно жесточайшим образом убивает людей!

Всеволод Романович и Михаил Аркадьевич переглянулись, а начальник службы безопасности продолжил:

– Кто-то ведет речь о неведомом реликтовом звере наподобие динозавра, кто-то – о проделках инопланетян. Иные уверены, что за всеми этими убийствами, кстати, документально зафиксированными еще с восемнадцатого века, скрывается нечистая сила.

– И что это в действительности? – спросила Анна, а начальник службы безопасности развел руками:

– Ну, этого я не знаю! И, предполагаю, что не знает и тот человек, который прикончил работника музея. Потому что я уверен: никакой это, конечно, не монстр, не пришелец и не демон. Просто кто-то чрезвычайно изворотливый избавился от подельника, превратив его в фарш, тем самым нагнетая обстановку. И желая представить несчастного жертвой Чертыковского монстра, который то ли существует, то ли нет...

Анна не стала уточнять, существует ли монстр или нет. А мужчины устали на нее, потому что хотели получить ответ.

Она знала, что затея эта более чем рискованная. Что в Чертыково и так происходят неведомые вещи. А тут еще и жесточайшее убийство. Одно дело, если это Чертыковский монстр. И совсем иное – если это коварный преступник, который готов любого, кто станет на пути между ним и кладом, превратить в отбивную.

Откашлявшись, Анна ответила на вопрос, который так никто задать не решился. Но она знала, чего от нее ожидают.

И она знала, что почерк на записках принадлежит ей. Да пусть там хоть два монстра, хоть целый выводок – она поедет и узнает, каким образом эти записки оказались в трех абсолютно идентичных часах.

– Конечно, при сложившихся обстоятельствах более чем сложно просить вас заняться негласным расследованием... – начал шеф, но Анна быстро произнесла:

– Я согласна!

Мужчины в удивлении устали на нее, а Всеволод Романович несколько дрожащим голосом произнес:

– Конечно, приставленный к вам человек будет вас охранять...

– Приставленный ко мне человек будет исполнять мои приказания! – заявила Анна. – На иных условиях я не соглашусь. И он не будет опекать меня против моей воли.

Олег Егорович кашлянул и ответил:

– Как скажете. Кирилл – человек разумный, рисковать лишний раз не будет. Чего делать я вам тоже не советую.

– Ну если так, то решено: когда отправляться в «Чертыково»? – спросила Анна и одарила трех озадаченных мужчин лучезарной улыбкой.

Конечно, не все было так просто. Но она же не собиралась говорить им всю правду. Пусть считают ее неисправимой карьеристкой, жадной до славы и денег особой или просто набитой дурой.

Однако она знала, что должна отправиться в «Чертыково». Ее занимал не клад княжеского семейства Святополк-Донских. Хотя, конечно, занятно было обнаружить эту окружен-

ную мифами коллекцию, стоимость которой, по мнению некоторых экспертов, исчислялась многими десятками, если не сотнями, миллионов долларов.

Но ее интересовали не деньги. И уж точно не слава. Хотя и от одного, и от другого она бы, конечно, не отказалась. Но важнее всего ей было разгадать тайну записок и часов. И, в конце концов, этого странного видения: портьера, а над ней – купидон на дельфине, дующий в морскую раковину.

На то, чтобы уладить кое-какие формальности и должным образом подготовить легенду для визита в «Чертяково», ушло четыре дня. За это время Анна сумела раздобыть кое-какую информацию об усадьбе.

Дворцово-парковый комплекс уникальный, построенный в стиле позднего классицизма, он был заполнен раритетными полотнами, гобеленами, статуями. Всем тем, что последний князь, пропавший невесть куда, не смог прихватить с собой.

В отличие от коллекции драгоценностей. Сохранилась всего одна-единственная фотография, разумеется, черно-белая, сделанная за год до начала Первой мировой. На ней был изображен Дмитрий Дмитриевич Святополк-Донской. Тот самый князь, который словно под землю провалился.

Это был высокий статный мужчина лет пятидесяти, с ухоженной седеющей бородкой и пронзительными, глубоко посаженными глазами. Он находился в небольшой комнате, так называемой Бриллиантовой, которая являла собой своего рода комнату-сейф, стены которой были сделаны из особого кирпича и укреплены стальными листами.

Князь стоял около стеклянной витрины, в которой были выставлены напоказ редкостные драгоценности. Подобными витринами была заставлена вся Бриллиантовая комната. Около ног князя сидела большая толстая такса с седой мохнатой мордочкой, более походившая на преогромных размеров вислоухую крысу.

Даже на этом старинном снимке, не передававшем ни красок, ни подлинного величия коллекции, было видно, что она была уникальной в своем роде. Вне всякого сомнения, чрезвычайно дорогой. И, в случае необходимости, транспортабельной – в самом деле, все сокровища, если их умело упаковать и сложить, могли поместиться в паре не самых больших чемоданов.

Два чемодана с содержимым стоимостью во много миллионов. И где они находились сей-час? Где-то в зарубежном банке? На дне Финского залива? Или по-прежнему в «Чертяково», спрятанные владельцем в надежде на то, что он скоро вернется и заберет их?

У музея-усадьбы «Чертяково» имелся свой собственный сайт, на котором предлагалась виртуальная трехмерная экскурсия по некоторым залам экспозиции, а также имелся весьма солидный архив переведенных в электронный вид старинных фотографий, сделанных по большей части еще до революции.

Анна просмотрела их все до последней, причем три раза. И также три раза «прогулялась», щелкая мышкой, по залам усадьбы. Конечно, ей было интересно узнать, какие именно экспонаты представлены в экспозиции.

Но более всего она отчего-то надеялась отыскать фотографию зала со шторой, над которой виднелось изображение купидона с морской раковинкой и на дельфине.

Ничего подобного она не обнаружила, однако это не означало, что такого зала не существовало, ведь в Интернете были выложены фотографии далеко не всех помещений дворца.

Помимо этого, Анна изучала сайты, повествующие о Чертяковском монстре. Сии жутковатые моменты занимали ее меньше всего, однако она не без интереса просмотрела сообщения о жертвах этого самого монстра, который, оказывается, убивал не все время, а с определенной цикличностью, примерно раз в пятьдесят лет. А затем снова исчезал.

На сайтах размещались изображения Чертяковского монстра, а также рассказы очевидцев и тех, кто по счастливой случайности сумел избежать кровавой расправы, столкнувшись с этим провинциальным чудом-юдом.

Анна пробежала глазами эти рассказы, не вникая в подробности. Она не сомневалась, что все это – выдумки и побасенки. Кому-то нравилось сочинять подобные ужасные истории, а кто-то зарабатывал на этом, живописуя кошмары и одновременно предлагая тур по заповедным местам – за солидный, конечно же, гонорар. Причем с прогулкой по лесу и болоту и посещением логова Чертяковского монстра.

Анну эту развеселило – если предположить, что Чертяковский монстр был не плодом фантазии, а ужасной реальностью, то вряд ли рекомендовалось посещать его логово. Хотя за оное, судя по фотографиям, размещенным там же, следопыты пытались выдать то карстовую вымоину, то заросшую пещеру, то непонятого происхождения воронку в болоте. Судя по всему, у Чертяковского монстра было никак не меньше дюжины мест обитания.

Можно было лицезреть и его самого – Чертяковского монстра. В зависимости от того, какой именно версии происхождения чудища придерживался тот или иной эксперт – криптозоологической, инопланетной или мистической, – монстр принимал то или иное обличье.

То это было некое подобие сказочного Змея Горыныча, то – нечто, напоминавшее обитателей парка юрского периода. То гуманоид с чертами оборотня и снежного человека, то какой-то жуткий вурдалак из третьеразрядного фильма ужасов. То помесь сразу нескольких животных, то просто-напросто inferнальный демон с копытами и свиным пяточком.

Читая все эти сообщения, Анна убеждалась в том, что в «Чертяково» что-то определенно происходит. Весь вопрос был в том, что именно?

Ответа на него никто не знал, и отчего-то девушка льстила себя надеждой, что сумеет докопаться до истины.

Наконец все формальности были улажены, от Олега Егоровича она получила удостоверение аспирантки одного из вузов, а также рекомендательное письмо от маститого профессора-искусствоведа.

– С этим посланием вы обратитесь к директору музея-усадьбы. Особо сложных вопросов он вам задавать не должен, а если что-то и спросит, то сообразите, что ответить. Было бы опасно утаивать то, что вы являетесь работницей нашего аукционного дома. В конце концов, имя, отчество и фамилия в удостоверении значатся настоящие, а задав их в поисковике, можно в итоге выйти на аукционный дом. Однако наши веб-дизайнеры уже подчистили информацию на сайте, вы идете как практикантка. Если будут задавать вопросы, то вы работали у нас несколько месяцев, были, так сказать, на посылках.

Тогда же Анна познакомилась и с Кириллом Цыплаковым, племянником Олега Егоровича. Отчего-то она ожидала увидеть амбала с широченной спиной, бритой головой и тупым выражением лица. А вместо этого увидела спортивного молодого типа со слащавой физиономией и длинными черными, собранными в конский хвост, волосами.

Сверкнув глазами, Кирилл пожал ее руку и произнес с усмешкой:

– Стало быть, вы и есть мой объект?

Анна в тон ему тотчас ответила:

– Стало быть, вы и есть мой телохранитель?

Кирилл только улыбнулся и, ничего не отвечая, плюхнулся в кресло. Хорошими манерами этот субъект явно не отличался. Анна же критически оценила его – видно, что занимается спортом и следит за собой, наверняка владеет всеми этими восточными оборонительными штучками-дрючками. Однако стиль у него был не как у телохранителя, а как у прожигателя жизни. Дырявые, но явно дорогие джинсы, кашемировый свитерок с дурацким пионерским значком, темно-фиолетовый пиджак с цветными накладками на локтях. И ядовито-зеленые кеды с неоновыми желтыми шнурками. И этот тип должен охранять ее жизнь?

Олег Егорович, заметив, что одеяние Кирилла произвело на нее не самое лучшее впечатление, заметил:

– Кириллу вы можете доверять как самой себе!

– Иногда мне кажется, что и себе не надо во всем доверять! – пробормотала Анна, а наглый тип, пользуясь тем, что его дядька стоял к нему спиной, а к ней лицом, вдруг скорчил идиотскую рожу.

Анна на это никак не отреагировала, посчитав, что будет относиться к этому мальчику-мажору с фунтом презрения. Как будто она не знала, для чего они приставили его к ней! Чтобы, если она вдруг найдет княжескую коллекцию, он тотчас сообщил об этом своему дядьке. И проследил за тем, чтобы она ничего не присвоила. Тоже мне ангел-хранитель!

Олег Егорович тем временем объяснял, кто где остановится. «Чертяково» было всего лишь музеем-усадьбой, но неподалеку, примерно на расстоянии трех километров, имелся небольшой поселок городского типа.

– Вам, Анна Игоревна, сняли номер в небольшой тамошней гостинице. Ты, Кирилл, будешь жить на квартире...

– А хозяйка у этой квартиры имеется? – спросил он. И, не дожидаясь ответа, добавил: – Надеюсь, что она молодая и симпатичная! Как вы!

И с вызовом посмотрел на Анну. Анна проигнорировала его, посчитав, что будет общаться с этим инфантильным ангелом-хранителем по минимуму.

Олег Егорович завершил свой монолог и посмотрел на Анну. Она же сухо заметила:

– Кажется, вы кое-что забыли!

– Забыл? – спросил тот в недоумении, а девушка отчеканила:

– Да, забыли. Забыли сказать, кто является боссом. Я!

И настал ее черед с вызовом смотреть на Кирилла. Тот легко подскочил с кресла, отвесил ей дурацкий поклон и заявил:

– Конечно, босс. Можно, я буду так вас звать?

– Нет, предпочту, если будете обращаться ко мне по имени-отчеству! – заявила она. – Меня зовут Анна Игоревна. А вас?

– Кирилл, – последовал его ответ. – Можно без отчества. А то я чувствую себя прямо как в начальной школе...

– Кирилл-Можно-Без-Отчества, вам понятно? – спросила Анна. – Решения буду принимать я. Так ведь?

Она посмотрела на начальника службы безопасности, тот развел руками. Молодой тип усмехнулся и заметил:

– Я всегда придерживался точки зрения, что женщина-начальник намного лучше начальника-мужчины. Ее всегда гораздо проще влюбить в себя!

Что он о себе возомнил? Анна с улыбкой отметила:

– Ну отчего же, с учетом сексуальной революции от вас бы не отказались и некоторые начальники-мужчины!

Улыбка, только что сиявшая на лице Кирилла, сползла, как будто ее стерли. Анна же повернулась к нему спиной и произнесла, обращаясь к Олегу Егоровичу:

– И когда я поеду в «Чертяково»?

– Завтра! – раздался ответ, но ответил ей не Олег Егорович, а его племянник. – Причем не вы, Анна Игоревна, а мы.

Добирались они сначала по железной дороге, а потом на машине. Анна провела в обществе Кирилла почти весь день и успела возненавидеть этого веселого трепача. Он явно пытался флиртовать с ней, потом вздумал рассказывать о своих подружках и даже спросил ее совета, как ему поступить, чтобы вернуть бывшую возлюбленную.

– Забудьте ее номер телефона! – процедила сквозь зубы Анна, думая о том, что если на ее спутника нападет Чертяковский монстр, то она будет этому только рада.

В городок, расположенный около «Чертяково», они попали уже под вечер. Отправляться в усадьбу не имело смысла – все равно директора там уже не было. Анна с явным облегчением распрощалась с Кириллом, который проводил ее до трехэтажной гостиницы, в которой для нее был забронирован номер.

Оставшись в номере в одиночестве, Анна первым делом приняла душ, а потом, завернувшись в халат, подошла к окну, за которым сгустилась тьма. Отчего-то ей стало не по себе. И она подумала, что где-то там, всего в паре километров отсюда, рыщет этот самый Чертяковский монстр. Хотя нет, монстр наверняка находился в спячке, у него же был какой-то особый цикл активности.

Утром, спустившись на завтрак, она обнаружила в ресторане Кирилла. Тот, развалившись на стуле, читал свежую прессу – только не российскую, а американскую. Подойдя к нему, Анна едва не вырвала у него газету из рук и в негодовании спросила:

– Что вы тут делаете?

– Читайте! – ответил Кирилл и, приветствуя ее, поднялся со стула. – Доброе утро, Анна Игоревна! Или мы все-таки опустим эти формальности?

Анна покосилась на газету и процедила:

– А попроще что-то выбрать не могли? Неужели обязательно, чтобы на вас обратили внимание?

– Не беспокойтесь, внимание уже обратили, только не на меня, а на вас! – ответил Кирилл.

Анна тряхнула головой и спросила:

– Что вы имеете в виду? Кто обратил? Почему?

Кирилл же вполголоса произнес:

– Например, вон тот официант, который старается не пялиться на вас. Но при этом только и делает, что смотрит вам в спину... Не оборачивайтесь!

Но Анна, конечно же, не удержалась и обернулась. И заметила рыжеватого вихрастого типа, который пялился в ее сторону, а, встретившись с ней взглядом, тотчас отвернулся. Причем так неудачно, что налетел на другого официанта, вышедшего из кухни с подносом. Раздался звон разбившейся посуды.

– Какая вы, однако, опасная женщина! – заявил Кирилл. – Из-за вас мужчины теряют голову!

Только Анна хотела сказать, чтобы этот тип оставил ее в покое и не портил аппетит, как Кирилл вдруг исчез. Ведь она отвернулась всего на пару мгновений, а когда перевела взгляд на соседний стул, то выяснилось, что тот был уже пуст.

Анна посмотрела по сторонам – исчез столь же внезапно, как и возник. Ну что же, оно и к лучшему! Потому что после завтрака она намеревалась поехать в «Чертяково», дабы представиться тамошнему директору. Надо было подготовиться, собраться с мыслями, так что этот Кирилл только бы ей мешал.

Позавтракав, Анна вышла из ресторана и направилась к себе в номер. На повороте она столкнулась с Кириллом. Тот внезапно прижал ее к себе, а затем запихнул в какую-то темную каморку.

Анна отчаянно сопротивлялась, отбиваясь от этого наглеца. И что он только себе позволяет! Решил, что может напасть на нее и затащить в темный угол? Видимо, не желая, чтобы она позвала на помощь, Кирилл закрыл ей рот ладонью. Но девушка, исхитрившись, цапнула его за палец. Кирилл взвыл и выпустил ее.

Она выскочила из каморки, однако он снова схватил ее. Анна, брыкаясь, попыталась двинуть ему в пах, но почувствовала на щеке теплое дыхание и услышала шепот:

– Я же о вас забочусь! Вам сейчас в номер нельзя. Потому что там гости!

Анна промычала, мол, что за гости, а Кирилл, выглянув из-за угла, произнес:

– Обещаете, что не будете больше меня кусать? И орать тоже не будете?

Анна кивнула, тогда Цыплаков выпустил ее и сказал:

– Осторожно посмотрите за угол. Только далеко не выдавайтесь!

Анна последовала его словам и заметила, что дверь ее номера приоткрыта. Рядом она заметила тележку с мешком грязного белья, а также щетками и пластиковыми бутылками с чистящими средствами.

– Уборщица! – заявила в негодовании девушка. – А вы за кого ее приняли, за Чертыковского монстра?

Кирилл молча указал в соседний коридор, и Анна заметила приоткрытую дверь номера, из которого раздавался приглушенный звук пылесоса.

– И что с того? Значит, у них две уборщицы! – заявила Анна, а Кирилл пояснил:

– Нет, одна на этаж, я узнавал. Тот, кто только что вошел в ваш номер, на уборщицу не похож!

Он снова выглянул из-за угла, а потом, приложив палец к губам, бесшумно двинулся вперед. Анна же, не желая, чтобы ей указывал какой-то самоуверенный тип, отправилась вслед за ним. Она подошла к двери своего номера, перешагнула через порог, прислушалась.

И тотчас навстречу метнулась какая-то тень, кто-то ударил ее в грудь, Анна полетела к стене. А из-за двери расположенной рядом ванной комнаты раздался сильный стук. Девушка заметила рыжие вихры – так и есть, тот самый официант, который следил за ней в ресторане!

Она кинулась за ним в коридор, заметила фигуру, заворачивающую за угол, и поняла, что догнать его не сможет. Ее взгляд упал на не первой свежести ковровую дорожку, которая тянулась по всему коридору. Анна наклонилась, взялась за нее обеими руками и дернула изо всей силы.

Тот, кто побывал в ее номере, полетел на пол. Анна кинулась к нему и увидела, что он попытался унести ее документы. Вот ведь наглец! Она схватила свой паспорт, а тип, развернувшись, ударил ее в коленку.

Охнув, Анна осела на пол, при этом разглядев, что рыжий тип – вовсе не официант из ресторана. Старше и массивнее, к тому же с идиотской козлиной бородкой. Боль в коленке была адская, и когда Анна, ковыляя, завернула за угол, то поняла, что нападавшего след давно простыл.

Она подняла паспорт, и из него высыпались визитные карточки. Анна побледнела – это были визитные карточки аукционного дома «Комильфо». И на них она значилась вовсе не практиканткой!

Собрав визитки, Анна вернулась в номер. А затем отперла дверь ванной комнаты. Оттуда вывалился раскрасневшийся Кирилл.

– С вами все в порядке? – спросил он, бросаясь к ней.

– А с вами? – осведомилась Анна. – Вы что, решили принять ванну?

Кирилл виновато усмехнулся:

– Я думал, что наткнусь на дилетанта, а оказалось, что мы имеем дело с профессионалом. По крайней мере, он ловко запер меня в ванной. Ну и как, вы его поймали?

– Нет! – ответила, разозлившись, Анна. – А вы как, приняли душ?

Они вместе осмотрели номер. Кто-то переворошил ее вещи, но это было полбеды. Хуже всего, что тип унес с собой ее ноутбук! Тот хоть и был защищен паролем, но ведь любой пароль можно было вскрыть!

– Откуда он узнал, кто я такая? – спросила сидевшая на диване Анна. – Он что, так быстро расколол мою легенду? Но тогда нам здесь делать нечего!

Пройдясь по комнате, Кирилл выглянул в окно и в задумчивости произнес:

– Этот же вопрос задаю себе и я. Слишком быстро, слишком быстро. Конечно, работники гостиницы могут продавать информацию о постояльцах, но почему именно вы возбудили подозрения этого типа? Мы ведь постарались, чтобы никто не обратил на вас внимания!

Он снова прошелся по комнате, а Анна произнесла:

– Значит, имела место утечка информации. Причем явно не от меня. Потому что номер в этой гостинице выбирала и заказывала не я. А ваш дядя!

Кирилл остановился, посмотрел на нее и сказал:

– Намекаете, что дядя Олег связан со здешними бандитами? Ну тогда и я должен быть связан!

– А кто вас знает! Может, тяга к криминалу у вас семейная черта! – заявила Анна. – И вы с дядей решили присвоить клад!

Кирилл посмотрел на нее с явным сожалением и ответил:

– Если бы мы это решили, то вы бы точно об этом не узнали. Я понятно выразился? Мы бы никогда не стали действовать столь топорными способами! Нет, здесь явно действовал не профессионал, а дилетант. А то, что в ванной меня закрыл, так это ему просто повезло!

Растирая коленку, Анна произнесла:

– Значит, вас обставил даже не профессионал, а дилетант? И после этого вы претендуете на то, чтобы охранять меня? Оставьте меня в покое! Я сама о себе позабочусь!

Она попыталась встать с дивана, но едва сделала это, как вскрикнула от боли – коленку словно раскаленной спицей пронзило.

– Разрешите посмотреть! – сказал Кирилл и, не слушая возражений, задрал ее юбку. Анна решила было надавать наглецу пощечин, но вдруг почувствовала, как боль отступает. И заметила, что Кирилл массирует ее коленку. Но массировал он как-то странно, особыми отрывистыми движениями.

– Ложитесь! – приказал он, и Анна подчинилась. После этого он принялся массировать ее уши и лоб. Анне сделалось приятно, ей не хотелось, чтобы это заканчивалось. Наконец Кирилл убрал руки и произнес:

– А теперь попробуйте встать на ноги!

Анна с опаской сделала то, что он ей сказал. Боли в коленке как не бывало!

– Как вам это удалось? – спросила она с изумлением, а Кирилл ответил:

– Научила одна из моих прежних подружек. Китайка, знакомая с секретами так называемого императорского массажа. С его помощью можно любую боль за десять минут купировать.

Анна наступила на ногу, провела пальцами по коленке – чудеса, да и только! Похоже, этот Кирилл со своими многочисленными подружками был не такой уж и ужасный тип!

– Спасибо! – пробормотала Анна, а Кирилл только отмахнулся:

– Не за что! Вы же мой объект!

Как, однако, галантно он ей напомнил, кто есть кто в их тандеме! Анна взглянула на часы и сказала:

– Мне пора к директору. А вы чем займетесь?

– Постараюсь выйти на след того, кто на нас напал! – заявил Кирилл и посмотрел на Анну. От этого взгляда ей стало не по себе.

– Мне надо переодеться! – заявила она, а Кирилл, плюхнувшись на диван, заявил:

– Ничего, вы мне не мешаете!

Пылая от негодования, Анна ушла в ванную. Кирилл же, прислушавшись к звуку воды из крана, встал с дивана и снял с подушки длинный волос. Вынув из кармана небольшой пластиковый пакетик, он опустил в него находку и засунул в карман. Затем вытащил мобильный и позвонил своему дяде:

– На объект было только что совершено нападение. Однако всё в порядке. Кто-то в курсе, что объект в городе.

Олег Егорович, задумавшись, произнес:

– Плохо дело, племяш. В курсе операции только ты, я, Дудин и его двоюродный братец. Ну и сам объект. Только никому нет смысла срывать операцию!

– Ну отчего же, – протянул Кирилл, – если кто-то решил прибрать весь клад себе, то есть!

– Только клад сначала надо обнаружить! – отрезал его собеседник. – Ладно, ты ищи нападавшего, а я займусь выяснением того, как произошла утечка информации. Образец на анализ добыл?

Похлопав себя по карману пиджака, в котором лежал пакетик с волосом Анны, молодой человек доложил:

– Конечно, добыл. Было несложно. Отправлю в Москву экспресс-почтой.

Олег Егорович произнес:

– Ты это там, осторожнее. И за объектом следи, и сам на рожон не лезь!

Когда Анна, облаченная в строгий серый деловой костюм и роговые очки, вернулась в комнату. Олег лежал на софе, положив ноги в оранжевых кроссовках прямо на подлокотник и самозабвенно играя в какую-то игру на мобильном.

Посмотрев на Анну, он присвистнул и произнес:

– Вау! Вас только отправлять надзирать за трудными подростками!

– Зачем отправлять? Один из них находится прямо здесь! Вас что, мама не учила, что ноги в обуви на мебель класть нельзя? – спросила Анна. – Кстати, вы ведь хотели ловить злодея. Так и делайте это! А мне пора!

Подхватив портфель, она направилась к двери. Кирилл, не двигаясь, продолжал возлечь на софе.

– Вам что, требуется особое приглашение? – спросила Анна, а Кирилл заявил:

– Вы не волнуйтесь, я дверь просто захлопну, когда уходить буду. Хорошего вам дня!

Анна не хотела, чтобы этот тип оставался в ее номере, при этом положив ноги в идиотской расцветки кроссовках на софу. Конечно, он мог в любой момент вернуться сюда и наверняка без проблем проникнуть в номер, но это уже его дело.

– Я не привыкла повторять дважды, – заявила Анна. – И менять своих привычек не намерена. Поэтому прошу вас удалиться. Мне пора!

До «Чертяково» она добралась на попутке, благо что ехать было всего несколько километров. По пути Анна любовалась высоченными соснами, которые, подобно мифическим воинам, обступили городок со всех сторон.

– А что, говорят, Чертяковский монстр опять активизировался? – спросила она у водителя, заметив, что на сиденье у него лежала местная газетенка, аршинный заголовок которой гласил: «Жуткая расчлененка в «Чертяково»: Монстр снова принялся за убийства?» Надпись сопровождала иллюстрация – чудище, нечто среднее между оборотнем и вампиром, нависло над обезглавленным телом. Фотография тела была подлинная, а вот монстр, конечно, созданный на компьютере.

– Да, труп вот нашли в «Чертяково»... Вообще я в такое не верю, однако тут что-то явно нечисто. Только вот Чертяковский монстр это никак не может быть, потому что у него новый цикл только через сорок лет начнется. Он же по циклу активизируется...

Анна вспомнила то, что читала в Интернете. Занятно – водитель утверждал, что ни во что подобное не верил, но в то же время знал на зубок все циклы активности Чертяковского монстра и рассуждал о его природе.

– Когда он последний раз, в 2009 году, активность проявлял, я с семьей в Питере был. Нет, не подумайте, я в такое не верю, мы специально не уезжали, просто так получилось. Работа

у меня тогда там была... А предпоследний раз – так это вообще до моего рождения было. А следующий раз – меня тогда, может, и вообще в живых не будет. Поэтому и думал, что все проскочил. А тут началась эта катавасия с трупом!

Он покосился на газету и снова добавил:

– Только не верю я во все это...

И тут же сам стал утверждать, что никакой это не житель ада, а нечто наподобие снежного человека.

– Точнее, помесь человека и медведя. Или человека, медведя и волка.

– Такое разве бывает? – спросила осторожно Анна, видя, как за окном мелькают высокие темные сосны. Кто знает, что обитало в лесу? И кто залег в логове на болотах, пробуждаясь от спячки раз в несколько десятилетий и желая устроить кровавое пиршество?

– Чего только не бывает! Вот мой дед – нет, он Чертяковского монстра не видел, бог миловал. А вот его друга тогда монстр разодрал! Пойди тогда дедушка, он еще пацаненком был, с ним в лес, и его тоже не стало бы. Ну, значит, и я не родился бы... да, у всего свои причины!

Он задумался, а потом, словно очнувшись, продолжил:

– Зато дед другое видел. Ему тогда лет шестнадцать было. Пошел летом в лес, вдруг видит – озеро. Причем никакого озера там отродясь не было. Ну дед в воду полез, а вода такая, как на картине – прозрачная, зеленая. Чего в воду полез, он и сам сказать не мог. Вроде тянуло его туда. Ну полез, заплыл на середину озера – вдруг чувствует, его кто-то под водой коснулся. И перед ним выныривает девица. Причем страсть какая красивая – глазки вполлица, волосы распущенные, улыбается, к себе манит. И смех у нее хрустальный, от которого кровь в жилах стынет. Ну и, само собой, голая. Ну а какой подросток в шестнадцать лет от такого откажется? Дед к ней, она на нем повисла, целует, груди свои под нос сует. И все манит за собой, манит. Мол, ныряй за мной. Дед нырнул – и вдруг видит, что у девицы-то то не ноги, а самый что ни на есть настоящий рыбий хвост. Русалка, стало быть! Он наверх устремился, к поверхности, и нырнул вроде неглубоко, а плывет метр за метром, а поверхности все никак достичь не может. Тут и воздух уже в легких заканчивается, а он все под водой. И страшно ведь, ужас как! И чем дед быстрее плывет, тем больше расстояние между ним и поверхностью. Как будто он в глубину идет, хотя и вверх стремится. А русалка около него вьется кругами, словно акула. Только вместо девичьего лица у нее уже морда старухи с клыками. Ну дед понял, что сейчас она его или сожрет, или за собой утащит черт знает куда. А легкие у него уже разрываются от нехватки кислорода. Тут уже и свет померк, как будто она на большой глубине. Тогда он сообразил: надо, чтобы на поверхность попасть, не вверх плыть, а вниз. Он попытался развернуться, а старуха-русалка в него впиалась когтями. Не дает, потому что поняла, что добыча уходит. Он тогда ей пальцем в глаз заехал, а оттуда рыбы мальки фонтаном хлынули. А дед развернулся и вниз поплыл – и тотчас вынырнул из-под воды. Поплыл как можно быстрее к берегу, выбежал из воды, обернулся – а никакого озера и нет. Стоит он перед болотными кочками, на которых жабы огромные сидят. Только вот сам он голый, потому как одежда на берегу осталась, а берег с озером исчез. И не вода с него стекает, а кровь. А палец, тот самый, что он русалке в глаз ткнул, у него тем же вечером загноился, и, чтобы воспаление на руку не перекинулось, доктор его ампутировал. С тех пор дедушка мой никогда больше ни в озерах, ни в реках, ни даже в городском бассейне не купался!

Анна не знала, как реагировать на подобный рассказ, поэтому предпочла только издать неопределенный звук, что-то между выражением восхищения и недоумения.

– Потом бабка-знахарка сказала, что так русалки себе жениха выбирают. Потому что они ведь тоже желают обзавестись потомством, для этого им и жених нужен. Из людей. И если бы дед тогда не сумел из этого озера проклятущего выбраться, то так бы и остался навсегда в русалочьем царстве.

Он взглянул на Анну в зеркало заднего вида, а девушка увидела величественное зрелище – дворцово-парковый комплекс «Чертяково», что раскинулся вдруг на холме.

– Кажется, подъезжаем? – спросила она, явно давая понять, что разговор на мистические темы завершен.

– Так и есть, вот оно, «Чертяково». Вас где высадить-то, у самого входа?

На прощание же, перед тем как Анна покинула салон автомобиля, мужчина добавил:

– Ну вы это, поосторожнее. Чертяковский монстр и все такое прочее. Только я во все это не верю...

Анна еле сдержала улыбку, потому что подобное скептическое заявление из уст человека, только что на полном серьезе рассказывавшего о встрече своего деда с русалкой, звучало более чем нелепо.

Обдав ее облаком выхлопных газов, автомобиль развернулся и покатил в сторону городка. Анна же стояла перед массивной витой оградой, украшенной золоченой доской, на которой значилось: «Музей-усадьба» Чертяково. До революции 1917 г. – резиденция княжеского рода Святополк-Донских. Охраняется государством».

Далее шел перечень дней и часов, в которые можно было посетить усадьбу, а рядом красовался фамильный княжеский герб.

Особого наплыва туристов не наблюдалось. Впрочем, стояли теплые летние дни, родители со своими отпрысками предпочли отправиться в теплые края. Никто не стремился ознакомиться с коллекцией картин или гобеленов в музее-усадьбе «Чертяково».

Анна прошла через ворота и остановилась, наслаждаясь видом величественного дворца, возвышавшегося на небольшом пригорке. Конечно, и сам дворец, и раскинувшийся вокруг него парк с фонтанами нельзя было сравнить с Петергофом, Царицыно или Измайлово. Дворец был, собственно, не такой уж большой, трехэтажный, однако от него веяло величием.

Подул резкий ветер, и на небе, на котором не было ни тучки, вдруг возникла большая фиолетовая клякса, закрывшая собой солнце. В одно мгновение летнее утро превратилось в осенний вечер. А из леса, который виднелся вдали, вдруг потянуло холодом.

Анна двинулась вперед по широкой дороге, которая вела ко дворцу. Она заметила закусочную в аляповатом псевдорусском стиле, а также несколько магазинчиков с туристическим барахлом. Увидела она и группы туристов, в основном в возрасте, кажется, иностранных, которые, щелкая фотоаппаратами, вывалились из магазинчика, держа в руках открытки, календари и статуэтки.

Столь же внезапно, как лето превратилось в осень, снова сделалось солнечно и ясно. Туча исчезла неведомо куда, а лес не выглядел таким уж враждебным и страшным. Внезапно Анна подумала, что где-то там, в чащобе, прячется и неведомый Чертяковский монстр. Хотя что за глупости – не верит же она в эти байки! Ведь если она в это верит, тогда надо и в русалок верить!

В русалок Анна точно не верила, поэтому, приказав себе сконцентрироваться на том, что, собственно, и привело ее в музей-усадьбу, отправилась дальше. Когда она оказалась вблизи дворца, то заметила, что его уже давно не ремонтировали: краска фасада поблекла и облупилась, с колонн обсыпался гипс.

Анна поднялась по ступенькам и оказалась около массивных дверей. Она попала в просторный прохладный холл, где заметила за окошком кассы пожилую женщину. В этот момент послышались громкие голоса, и Анна увидела, что из только что прибывшего автобуса вывалилась группа подростков, сопровождаемых взмысленными мужчиной и женщиной.

– Так, никто никуда не уходит! Все дружно идем в музей! Есть и покупать сувениры будем потом! – гаркнула женщина, и Анна подумала, что зря ей казалось, что молодежь обходит «Чертяково» стороной.

Анна посторонилась, пропуская группу к кассе. Мужчина демонстрировал какие-то билеты, видимо, приобретенные на всю орду заранее. Появилась элегантная дама, представившаяся экскурсоводом. И первый вопрос, который задал ей веснушчатый парень в широких, словно спадающих с него брюках, был:

– А где у вас тут монстр живет?

Сопровождавшие группу мужчина и женщина, наверняка воспитатели в подростковом оздоровительном лагере, зашипели:

– Сундуков, не говори глупостей!

Экскурсовод же, мило улыбнувшись, ответила:

– О, Чертыковскому монстру у нас посвящен целый зал.

– Круто! – загалдела ребятня. – Мы туда сразу и пойдём?

– Туда мы пойдём, когда осмотрим основную экспозицию! – ответила экскурсовод, продолжая улыбаться. Она едва заметно кивнула сопровождающим мужчине и женщине, мол, не беспокойтесь, все под контролем, и не с такими справлялись, и, указывая на первый зал, произнесла громким, хорошо поставленным голосом:

– Рада приветствовать вас в музее-усадьбе «Чертыково», находящемся под охраной государства. Меня зовут Инга Валерьевна, и в ближайшие полтора часа я расскажу вам об истории этого уникального места. Сразу отмечу, что не возбраняются никакие вопросы, наоборот, ваша активность только приветствуется. Однако давайте договоримся: час двадцать вы внимаете сухим историческим фактам, а в последние десять минут я поведаю вам ужасающие факты о Чертыковском монстре!

Анна улыбнулась – экскурсовод явно знала свое дело и вмиг привлекла внимание и успокоила галдящих и суетящихся подростков. Группа школьников двинулась в глубину зала, но Анна успела услышать фразу, которую адресовал тот самый неугомонный Сундуков какому-то своему приятелю:

– У них ведь тут недавно какого-то мужика зверски убили! Вот бы хоть одним глазком посмотреть на место преступления...

Дождавшись, пока подростки удалятся, Анна подошла к кассе и произнесла:

– Добрый день! Меня зовут Анна Енгальчева, я из Москвы. У меня назначена встреча с Борисом Борисовичем...

Борисом Борисовичем звался директор музея-усадьбы. Кассирша, которая, поджав губы, весьма неодобрительно смотрела в сторону громогласных подростков, тотчас подобрела и сказала:

– Ах, да-да! Борис Борисович вас ожидает!

Она подняла трубку допотопного ярко-красного телефона, который стоял в ее каморке, и сюсюкающим голосочком произнесла:

– Дорогой Борис Борисович, прибыла московская гостья! Да, конечно-конечно!

Анна подумала, что уж слишком любезно, даже скорее подобострастно беседовала кассирша с директором. Похоже, она была без ума от своего начальника.

Повесив трубку, женщина произнесла:

– Борис Борисович вас немедленно примет. Сейчас вас заберут и проводят к нему!

В этот момент из зала вдруг выскользнули две фигурки – Анна узнала неугомонного Сундукова и его безымянного приятеля. Кассирша, тотчас превращаясь из слащавой старушенции в Бабу-ягу, подлетела к ним и прорычала:

– Куда это вы намылились?

Подростки переглянулись, и Сундуков промямлил:

– Да вот, в туалет бы нам...

Кассирша указала им на дверь с соответствующей вывеской, а когда подростки шмыгнули туда, произнесла, обращаясь к Анне:

– Будто я не знаю, куда эти субчики собрались! Хотят посмотреть на место, где труп нашли!

Сделав вид, что ей ничего не известно, Анна произнесла:

– Труп, какой труп, неужели у вас кто-то умер?

Кассирша, обернувшись, словно не желая, чтобы ее подслушали, хотя делать это было вроде некому, заявила:

– Да, умер... Несчастный случай произошел... Вернее, одного из сотрудников медведь заломал...

– А что, у вас медведи водятся? – любопытствовала Анна, а кассирша, снова обернувшись, быстро произнесла:

– У нас здесь все водится. И даже Чертыковский монстр, слышали о таком?

Анна неопределенно пожала плечами – было бы странно, если бы аспирантка, писавшая диссертацию о музее, не знала связанных с ним легенд.

– На него все похоже, на него! – заявила кассирша со знанием дела. – У меня бабушка едва его жертвой не стала, ребенком, конечно!

Анна едва не удержалась от вопроса о том, на чьих еще бабушек и дедушек напал когда-то Чертыковский монстр.

– Только это давно было! Потому что он просыпается каждые сорок два года. И последний раз период активности был в 2009 году. То есть теперь он должен начать убивать только в 2051-м. И почему он вдруг сейчас принялся за это, никто понять не может. Чертовщина какая-то!

Дверь туалета распахнулись, оттуда появились смущенные подростки. Завидев их, кассирша снова посуровела и приказала:

– Куда это вы направились? Экспозиционные залы в противоположной стороне!

Подростки затрусили в нужном направлении. Проводив их взглядом, кассирша вздохнула:

– Одно горе с этими любопытными! Наше «Чертыково» ведь как это... Геопатогенная зона паранормальной активности!

Мудреные слова она выговорила просто, как будто они прочно вошли в ее лексикон. Кто знает, может, и вошли – похоже, местные жители любили поточить лясы на тему Чертыковского монстра.

– Только наше «Чертыково» так после перестройки обозвали. Это когда сюда все эти ученые понаехали, а также журналисты и вообще всякие придурки. Сейчас ажиотаж улегся, но сколько их тут было в последний период активности, представить себе не можете! Хотя тогда Чертыковский монстр всего двух человек убил. Наверное, поэтому и пробудился сейчас опять, мало ему, еще нужно...

О Чертыковском монстре кассирша рассуждала так, как будто вела беседу о злом соседском псе. Его существование она точно не ставила под сомнение.

– Так что не очень-то умно было организовать неподалеку оздоровительный школьный летний лагерь. Конечно, там патриотическое воспитание главенствует, моральные ценности нынешней расхлябанной молодежи прививают. Дело хорошее, потому что таких, как эти шепутные пацаны, надо приструнить! Иначе толку из них не выйдет!

Кассирша покачала головой, явно сокрушаясь о падении нравов современной молодежи.

– Но не здесь же! Хотя ведь до следующего периода активности еще тридцать с лишним лет... А монстр взял и сейчас пробудился! Такого еще никогда не было! Не к добру это, поверьте, не к добру!

– А это точно монстр? – спросила Анна, и кассирша усмехнулась, явно забыв, что только что отстаивала иную точку зрения:

– А кто ж еще? Медведи, как вы сами заметили, у нас не водятся.

– Может, маньяк? – предположила Анна, и кассирша замахала руками:

– Господь с вами! Какой такой маньяк? Этот, как Чикатило, что ли? Или как дядя Крюк?¹

Нет, никакой это не маньяк, а наш Чертыковский монстр!

Говорила она о монстре с какой-то непонятной гордостью и, кажется, даже затаенной любовью.

– А этот монстр – это что? Или кто? – спросила Анна, но кассирша не успела ответить, потому что появилась сухопарая особа средних лет с бесцветными волосами, собранными в пучок, подвижным морщинистым личиком, посреди которого торчал длинный, увенчанный круглыми очочками в металлической оправе, нос.

– Сплетничаем вместо того, чтобы работать? – спросила она мармеладным тоном, но кассирша тотчас стушевалась и пробормотала:

– Серафима Ниловна, что вы, что вы! Конечно, работаю!

И кассирша ринулась обратно к окошку, тем более что в холл вошли несколько новых посетителей.

Серафима Ниловна, видимо, была непререкаемым авторитетом, раз бойкая кассирша так ее испугалась. Особа протянула Анне ручку, больше похожую на птичью лапку, и произнесла:

– Меня зовут Серафима Ниловна Горянская, я – главный искусствовед музея-усадьбы «Чертыково».

А директора зовут Борис Борисович Горянский, вспомнила Анна. Значит, эта особа – его родственница. Или, что более вероятно, жена.

– А вы, как я полагаю, Анна Игоревна Енгальчева? – спросила женщина и уставилась на гостью прозрачными, светло-серыми глазами, в которых сквозил ум и... И жестокость. Однако странные искорки в глазах, время от времени выдававшие ее истинный характер, тяжелый и властный, Горянская умело прикрывала милой улыбкой и располагающей манерой общения.

– Рада с вами познакомиться! – сказала она, когда Анна подтвердила ее предположение. – Борис Борисович, директор нашей усадьбы-музея и по совместительству мой супруг, ожидает вас. Я провожу!

Она указала на лестницу, которую Анна не сразу заметила, по которой они поднялись на третий этаж. А затем отправились по анфиладам богато обставленных залов куда-то в глубь здания.

За те несколько минут, которые им понадобились, чтобы дойти до кабинета директора, Горянская устроила Анне подлинный экзамен. Задала вопросы о том, где она училась, какова тема ее диссертации, что у нее за специализация. Причем все вопросы были вроде бы вежливые и невинные, но явно направленные на то, чтобы проверить гостью.

Анна была ужасно рада тому, что сумела, кажется, ответить на все вопросы быстро, без запинки и, кроме того, правильно, судя по легкой улыбке на тонких губах Серафимы Ниловны.

Затем последовал блок вопросов по истории и искусствоведению, но и тут Анна не сплеховала, сумев развеять сомнения Горянской, если, конечно, они у нее имелись.

– Прошу прощения, что устроила вам настоящий экзамен, однако в последнее время к нам пытались проникнуть репортеры под видом практикантов или научных сотрудников! – сказала с извиняющимися интонациями Горянская. – Однако было достаточно одного вопроса, чтобы раскусить их. Но вы – подлинный ученый. Вижу, что мы сработаемся!

Видимо, последняя фраза была высочайшей степенью похвалы из ее уст. Тем временем они миновали экспозиционные залы и прошли в крыло, где располагались хозяйственные и административные помещения.

¹ История маньяка дяди Крюка изложена в романе А. Леонтьева «Часовня погубленных душ». Изд-во «Эксмо».

Женщины остановились перед резной дверью, около которой висела огромная вывеска: «Директор музея-усадьбы «Чертыково», кандидат исторических наук Б. Б. Горянский». Сухая ладошка Серафимы Ниловны легла на позолоченную ручку, и Горянская спросила:

– А как у Анатолия Дмитриевича дела с сердцем? Он серьезную операцию перенес, ведь так?

Запаниковав, Анна не знала, что ответить. Какой такой Анатолий Дмитриевич? Что еще за операция? И вдруг поняла – речь идет о ее так называемом научном руководителе, том самом, у которого она якобы писала диссертацию и который направил ее в «Чертыково». Хорошо, что профессор сейчас находился за границей, и нельзя было позвонить ему просто так и спросить, что это за аспирантка такая – Анна Енгальчева.

– О, после операции он совершенно оправился! – заявила Анна, понимая, что надо что-то сказать, иначе пауза вызовет подозрения. Кто бы мог подумать, что Горянская знала московского профессора!

– Отлично! – промолвила та, улыбаясь еще шире. – Ведь с Анатолием Дмитриевичем мы когда-то учились на одном курсе! Кстати, занятный у вас перстень!

Переход от научного руководителя к фамильной реликвии Анны был неожиданный. Девушка и не подозревала, что Горянская вообще заметила ее раритетное украшение. Оказывается – очень даже заметила!

Серафима Ниловна, не стуча, распахнула дверь, и они оказались в уютном небольшом кабинете. Кабинет был завален книгами, журналами, рукописями. В углу стоял большой сейф. А за письменным столом Анна увидела лобастого человека с окладистой седеющей бородой. Бородач что-то стремительно набирал на клавиатуре, причем делал это с такой необыкновенной скоростью, что Анне казалось, что его руки мелькают в воздухе, подобно двум птицам.

Оторвавшись от компьютера, бородач сдвинул на кончик носа очки в металлической оправе – точно такие же, как и у его жены, – и произнес сочным басом:

– Ага, наша милая столичная гостья! Польщен, очень польщен! Какая, однако, красавица!

Его супруга поморщилась и сурово заявила:

– В первую очередь – умница! Не то что последние практикантки, которые у нас в архиве копошились. Ничего, ну абсолютно ничего не знают, и это – краснодипломники и аспиранты! Уровень образования катастрофически падает!

Бородач соскользнул со стула, и Анна вдруг поняла, что стул был особым, наподобие пуфика со спинкой. Сиденье пуфика было вывинчено до предела. Директор оказался перед ней – и Анна поняла, что он едва достает ей до плеча. Рост его был от силы метр шестьдесят.

Галантно поклонившись, Горянский поцеловал ей руку и прочувствованно произнес:

– Рад приветствовать вас в стенах возглавляемого мной музея! Ой, какой у вас редкостной красоты перстенок!

И он туда же! Или это просто неловкая попытка сделать сомнительный комплимент красивой юной даме? Ведь директор явно не желал отпускать ее ладонь, и Анна вдруг почувствовала, как коротышка игриво поглаживает своими мясистыми пальцами ее запястье. Ну надо же, здесь водился не только Чертыковский монстр, но и Чертыковский донжуан. Теперь Анна могла понять, отчего Серафима Ниловна поморщилась, когда ее муженек стал делать московской гостье комплименты, едва она перешагнула порог.

Борис Борисович умел говорить и любил это делать. Голос у него был очень красивый, убаюкивающий, и Анна вдруг поняла – даже сексуальный. Горянский брал не своей красотой и, возможно, даже не умом, а голосом и красноречием. Понятно, почему кассирша млела от него!

Анна вытащила из портфеля рекомендательное письмо и положила его на край стола. Театрально взмахнув рукой, Горянский произнес:

– Что это? Какие-то письма? Господи, ну кому нужны эти формальности! Анечка, прошу вас, садитесь! Какой я, однако, негостеприимный хозяин! Прошу это извинить, моя дорогая!

Он указал на небольшой кожаный диванчик в углу. А вот его жена сухой лапкой взяла конверт, в котором находилось рекомендательное письмо, вскрыла его и стала внимательно изучать послание.

Лоб Анны покрылся испариной. Она уповала на то, что Олег Егорович и его люди постарались и что Горянская не завопит сейчас, указывая на то, что подпись профессора поддельная.

Но, судя по тому, что та отложила письмо в сторону, Серафима Ниловна осталась довольна содержанием письма. Анна помнила, что ее перевозили там до небес, одновременно прося оказать помощь в сборе материалов для диссертации. Что значило – позволить ей пройти в музей практику и работать в архиве и запасниках.

Анна опустила на диванчик, с которого холеричный директор смел старые журналы и книги, и вдруг поняла, что директор устался ей на коленки. Вот ведь жук!

– Анечка, что вы хотите? – проворковал он. – Чай, кофе, сок?

– Воду! – раздался голос его жены. – У нас имеется газированная вода!

Она указала на бутылку, стоящую на подоконнике.

Борис Борисович скривился и произнес:

– Фимочка, милая моя, наша гостья наверняка хочет кофе! Ведь так?

Еще до того, как Анна ответила, он хлопнул в ладоши и произнес:

– Фимочка, ты ведь приготовишь нам кофе? Нам всем, разумеется? Спасибо, дорогая, спасибо огромное!

Он благодарил ее, хотя Серафима Ниловна не дала согласие приготовить кофе. Однако, видимо, таково было у них распределение их семейных обязанностей, или обязанностей служебных. Горянская с явно недовольной миной отправилась из кабинета готовить кофе, оставив мужа и Анну наедине.

– Анечка, дорогая моя, вы ведь не против, что я вас так называю? – щебетал директор.

Анна была против, но ведь не конфликтовать с Горянским, в музей которого она пришла, чтобы шпионить?!

– Вот и отлично, что не против! – произнес он, и вдруг его рука, словно случайно, легла ей на коленку. Анна – тоже словно случайно! – смахнула ее и повернула ноги в другую сторону, подальше от жадных ручек Бориса Борисовича.

Тот же извергал из себя водопад цветистых фраз, и Анне не требовалось даже поддерживать беседу – Горянский мог, кажется, вести разговоры сам с собой на протяжении многих дней, если не недель.

– Так что же привело вас в наш скромный провинциальный музей? – спросил он вдруг и уставился на нее своими выпуклыми темными глазами. Вдруг Анна поняла – не таким сексуально озабоченным простачком был этот коротышка, а весьма хитрым и продуманным субъектом. Как и его жена.

Анна принялась излагать заготовленную легенду о диссертации, тема которой, как она поняла, директора не очень интересовала, и с нее ловко перевела разговор на коллекцию княжеских драгоценностей.

– Исчезла, бесследно исчезла! – заявил директор и даже, казалось, всхлипнул, словно переживал потерю драгоценностей самолично.

– Говорят, что князь спрятал ее где-то во дворце... – начала Анна, и позади нее раздался голос:

– Чушь! Борис Борисович директорствует здесь уже тринадцатый год, я работаю искусствоведом двадцать два. И никто не знает «Чертыково» лучше меня. Это не бахвальство, а констатация факта. И если бы сокровища были спрятаны здесь, то мы бы их нашли!

Серафима Ниловна, держа в руках поднос, на котором возвышались чашки, чайничек и сахарница, явилась, как привидение, из ниоткуда. Анна ведь сидела вполоборота к двери

и должна была видеть, как Горянская появилась, но этого не произошло. Та выскочила, как чертик из табакерки!

– Вы же хотели кофе, не так ли? – произнесла вошедшая, опуская поднос на журнальный столик. – Все говорят, что я варю очень крепкий. А мне кажется – вполне обычный!

Анна отпила глоток и закашлялась. Кофе в самом деле был ужасно крепкий. Директор засуетился, выговаривая жене за то, что она «сварила свою ведьмину бурду», Анна же только натужно улыбнулась.

Горянская смотрела на нее, наклонив голову набок. И в ее взгляде читалась то ли ненависть, то ли презрение. Но отчего? Ведь она сама сказала, что они отлично сработаются!

– И куда они могли в таком случае деться? – спросила Анна, поставив чашку на блюде. Она решила к кофе больше не прикасаться. А вот сама Серафима Ниловна прихлебывала этот адский напиток, как будто это был жиденский чаек. Причем она не положила в него сахара и не разбавила кофе молоком.

– Кто знает, кто знает! – произнесла Горянская, и Анна заметила, как она и ее супруг быстро переглянулись. Ей показалось – или они действительно что-то знают? Но если бы они нашли драгоценности, то точно бы не остались сидеть в этой пыльной комнатке!

– Говорят, что не так давно в одном из антикварных салонов Питера обнаружили предметы, некогда принадлежавшие князю Святополк-Донскому... – забросила пробный шар Анна.

Реакция нулевая. Директор хватал с тарелочки овсяные печенья и засовывал себе в рот, его супруга наслаждалась кофе.

– Ну что же, такие предметы время от времени всплывают, – заметила Горянская, – потому что и во время революции, и во время Гражданской и Отечественной войн масса предметов исчезла.

– Вас не интересует? – продолжила Анна. – Может быть, для расширения коллекции музея?

Прожевав печенья и смахнув с бороды крошки, директор энергично заявил:

– Анечка, милая моя, откуда у нас деньги на приобретение всех этих дорогуших вещиц! Мы же находимся на балансе государства, то есть, иными словами, средств катастрофически не хватает! Вот сделали бы из нашего музея центр для встреч на высшем уровне, тогда бы сразу нас деньгами засыпали. А так...

– Да, и что это за вещицы? – усмехнулась его супруга. – Очередной поддельный бюст Нерона или фаянсовый ночной горшок с изображением Терпсихоры?

– Часы со слонем и магараджей, – сказала Анна, и тут послышался хрип. Директор, жевавший новое печенье, вдруг подавился. Горянский выпучил глаза и бил себя по груди. Анна вскочила, метнулась к нему, встала за спину, обхватила его грудную клетку руками и надавила на нее.

При этом ее взгляд упал на сидевшую подле Серафиму Ниловну. Лицо у нее было окаменевшее, а по руке лился ручеек черного кофе. Но этого Горянская не замечала, смотря куда-то перед собой.

Директор заходился кашлем, Анна поддала ему коленкой в спину, и крошка, застрявшая в горле Бориса Борисовича, вылетела. Он, жадно дыша, повалился на стул.

– Анечка, вы моя спасительница! Я обязан вам жизнью! Господи, я думал, что сейчас помру! Фима, Фима, что ты сидишь, как языческое изваяние?

Его жена вдруг очнулась от транса, поставила чашку на стол и отчеканила:

– Боря, извини, я задумалась.

– Задумалась? – воскликнул он злобно. – Я, можно сказать, кончался, а ты задумалась? Если бы не Анечка, то здесь бы лежал мой хладный труп!

– С учетом, что температура трупа падает в среднем на градус каждый час, здесь лежал бы твой далеко не холодный труп, а труп очень даже теплый! – заявила с циничной улыбкой Серафима Ниловна. – Анна Игоревна, я премного вам благодарна! Но лучше расскажите, что вам известно об этих часах?

Так и есть, именно упоминание о часах со слоном и магараджей ввело Горянскую в ступор! Анна отделалась общими фразами, заявив, что толком ничего не знает и слышала это от одной знакомой аспирантки, которая, в свою очередь, – от знакомого искусствоведа.

– А о других часах, точно таких же, ничего слышно не было? – спросил вдруг Борис Борисович, и Анна догадалась: он ведь подавился тоже по причине того, что услышал о часах.

– А что, существуют другие часы? – спросила живо Анна. – Они находятся в «Чертяково»? Можно на них взглянуть?

Раздалось звяканье посуды. Это Горянская снова взяла чашку с блюдечка.

– Нет, таких часов в экспозиции музей нет и никогда не было! – заявила она, и Анна поняла, что та элементарно лжет.

– Очень интересно, откуда... – начал Борис Борисович, но жена прервала его:

– Кажется, мы утомили Анну Игоревну своей болтовней ни о чем. Она, в конце концов, молодой ученый, человек занятой. Давайте я покажу вам кабинет, в котором вы сможете работать, и объясню, как у нас все функционирует!

Борис Борисович все порывался что-то спросить, но жена явно не давала ему сделать это.

– Говорят, что у вас недавно убили человека... – произнесла Анна и, придав своему лицу смущенное выражение, продолжила: – Понимаю, что вам и так надоедают с этой темой, но все же... У вас ведь в музее экспозиция имеется... Чертяковский монстр... Какое он имеет ко всему этому отношение?

Горянская усмехнулась и сказала:

– Мы же свои люди, ученые. Конечно, никакого монстра не существует. Так же, как его нет и в шотландском озере Лох-Несс. Но кто бы хотел посетить это озеро, если бы не легенда о чудище? Верно, может, пара туристов в сезон, не более. На этом они делают бешеные деньги!

При упоминании о бешеных деньгах губы Горянской слегка дернулись.

– Примерно то же самое и у нас происходит, конечно, в гораздо более скромных масштабах. Ведь наш музей, конечно, уникальный, но если бы не эта история о Чертяковском монстре, то туристов было бы раз в десять меньше.

– Значит, монстра не существует? – спросила Анна, и Горянская заметила:

– А вы сами как думаете?

Отвечать вопросом на вопрос было, конечно, не очень-то вежливо, но Анна смолчала. В разговор вступил Борис Борисович:

– Анечка, мы же взрослые люди! Все эти монстры – ерунда на постном масле! Тут у нас толкуются все эти уфологи, исследователи паранормального, просто любопытные, естественно, чокнутые и, конечно же, журналисты из желтых изданий. И не только из желтых. Все это – бесплатное паблисити, реклама для нашего музея-усадьбы. Ведь я уже сказал, что нас финансируют из бюджета, поэтому на подобные пиар-акции у нас элементарно нет средств. А так – народ валит, хотя и не шибко. Тем и держимся!

– А как же быть с циклом активности? – спросила Анна, и Горянская сухо и крайне неприятно рассмеялась.

– С каким циклом активности? Раз в сорок два года? Слышали-слышали, наш Чертяковский монстр просыпается раз в сорок два года, убивает кучу людей в течение нескольких дней, потом бесследно исчезает...

– Впадает в спячку! – поправил ее муж, и Серафима Ниловна продолжила:

– Пардон, впадает в спячку, конечно же, как я могла упустить это из вида! Как ежик или ужик. Итак, все это бред сивой кобылы. Да, люди умирают, да, пропадают в лесу, да, становятся

добычей диких животных или жертвами собственной глупости и безответственности. Но при чем тут монстр?

– А что касается цикла активности, так все это – избирательность человеческого восприятия, Анечка! – добавил директор добродушно. – Доподлинно установлено, что в Бермудском треугольнике исчезает не больше и не меньше кораблей, чем в любом другом участке Мирового океана с интенсивным движением. Но с чьей-то легкой руки именно это место стало обиталищем то ли «зеленых человечков», то ли утаскивающего на дно несчастных мореплавателей спрута. Стоишь в Бермудском треугольнике пропасть яхте, как стоишь вой на весь мир. А то, что в это же время корабли, яхты и самолеты бесследно исчезают и в иных местах, никого не занимает.

Он поднял к потолку узловатый, покрытый рыжей растительностью указательный палец.

– Так же, милая Анечка, и с «Чертяково». Люди гибнут время от времени и у нас. И даже убийства случаются. Что делать, живем в современном мире! Но какой-то идиот запустил в оборот этот миф с циклом активности в сорок два года, и пошло-поехало. Отчего, скажите на милость, не в тридцать три или пятьдесят один? А ведь разумно – если цикл почти полвека, то никто и не помнит толком, что там было, во время последнего так называемого всплеска. То, что и в другие годы людей убивают или находят растерзанными, никого не занимает. Но не приведи Господь, если обнаружат в год так называемой активности Чертяковского монстра погибшего заплутавшего грибника, идиота-самоубийцу, выбравшего в качестве места последнего упокоения лес, или неосторожного ребенка, ставшего жертвой кошмарного несчастного случая... Тогда все сразу начинают стенать – вот, очередная жертва Чертяковского монстра! Монстр вышел из спячки и отправился на охоту!

Его жена, слушавшая словоизлияния Бориса Борисовича с тонкой улыбкой, прибавила:

– И нынешний несчастный случай – тому красноречивое подтверждение. Хотя и очень трагическое. Ведь последний цикл активности приходился на 2009 год, новый ожидается только в 2051 году. А Чертяковский монстр опять нанес удар, хотя должен быть в глубокой спячке еще тридцать с лишком лет. Какой вывод? Верно, никакого монстра нет, все это – бредни и сказочки!

Она говорила так убедительно и красноречиво, что Анна почти поверила ей. Почти. Как будто они хотели уверить ее, что Чертяковского монстра не существует. Как незадолго до этого с точно таким же пафосом заверяли ее, что никаких часов со слоном и магараджей в «Чертяково» отродясь не было. Хотя все факты указывали на то, что погибший работник музея похитил их именно здесь.

Но ведь часы существовали, причем не в единичном экземпляре, а в количестве целых трех штук, совершенно идентичных! Странно, но из этого можно было сделать вывод, с точки зрения формальной логики, возможно, и небезупречный, что и Чертяковский монстр тоже существовал. Все, что отрицала чета Горянских, было реальностью! В этом Анна была отчего-то уверена на сто процентов.

Только вот не хотелось Анне, чтобы и монстр, подобно часам, имелся в количестве трех штук. Если существует, то хотя бы один – с ним и так проблем хватает. А уж с тремя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.